

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская
« ____ » _____ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В АМЕРИКАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ
ДЖ. БАЙДЕНА И Д. ТРАМПА)**

Научный руководитель _____ канд. пед. наук, доц.,
доц. каф. ТГРЯиПЛ
Е.В. Еремина

Выпускник _____ С.И. Цыганков

Нормоконтролер _____ Е.В. Курилова

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	8
1.1. Оппозиция «Свой-Чужой» в фокусе исследования социальных наук.....	8
1.1.1. Социальная сущность оппозиции «Свой-Чужой». Роль Оппозиции в формировании общества и конфликтных групп.....	8
1.1.2. Теория социальной стратификации в работах П.А. Сорокина, У. Мура, П. Бурдьё и др.....	11
1.2. Категория «Свой-Чужой» в фокусе исследования лингвистических и общегуманитарных наук.....	16
1.2.1. Оппозиция «Свой-Чужой» как предмет исследования направлений современной лингвистики.....	16
1.2.2. Оппозиция «Свой-Чужой» как самостоятельный объект исследования: Имагология.....	18
1.2.3. Лингвистические предпосылки для анализа оппозиции «Свой-Чужой».....	22
1.3 Языковые средства реализации категории «Свой-Чужой» в английском языке.....	23
1.3.1. Оценочный аспект.....	23
1.3.2. Фонетический уровень выражения оппозиции.....	24
1.3.3. Морфологический уровень выражения оппозиции и дейктические единицы.....	26
1.3.4. Лексический уровень выражения оппозиции.....	28
1.3.6. Синтаксический уровень выражения оппозиции.....	34
1.4. Оппозиция «Свой-Чужой» в исследованиях политического дискурса..	35
1.4.1. Понятие дискурса.....	35
1.4.2. Компонентная структура институционального дискурса.....	39

1.4.3. К вопросу об определении целей политического дискурса....	39
1.4.4. Типологические характеристики политического дискурса.....	41
1.4.5. Выводы по параграфу 1.4.....	46
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	48
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США НА НАЛИЧИЕ И ХАРАКТЕР ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ».....	50
2.1. Анализ выступления Дж. Байдена от 5 января 2024 г.....	50
2.1.1. Исторический контекст речи Дж. Байдена. «Свои» и «чужие» в речи Дж. Байдена.....	50
2.1.2. Способы репрезентации «чужих» в речи Дж. Байдена.....	52
2.1.3. Способы репрезентации «своих» в речи Дж. Байдена.....	55
2.1.4. Универсальные (двусторонние) лексические средства репрезентации «своих» и «чужих» в речи Дж. Байдена.....	57
2.2. Анализ выступления Д. Трампа от 24 февраля 2024 г.	60
2.2.1. Композиционные и структурные особенности речи Д. Трампа.....	60
2.2.2. Способы репрезентации «своих» и «чужих» в речи Д. Трампа.....	63
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	74
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	81
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	82

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько лет стала очевидной непрочность того основания, на котором построено современное общество. Череда глобальных событий, таких как несколько волн эпидемии нового коронавируса COVID-19, митинги протеста в США и РФ против результатов президентских выборов в 2020-м году и серия военных операций на Ближнем Востоке и на территории Украины – каждое из этих событий наглядно доказывало, что современный мир, как система, гораздо более хрупок, чем могло показаться еще 10 лет назад, и что взаимная неприязнь к людям, не разделяющим общие идеалы, национальность, язык и культуру, по-прежнему является одним из мотивов, определяющих направление глобальной политики. Данная работа посвящена исследованию тех языковых и социальных механизмов, которые обуславливают возникновение и реализацию этой неприязни, а именно когнитивной оппозиции «Свой-Чужой».

Актуальность исследования обусловлена двумя факторами. Как мы указали выше, с **экстралингвистической точки зрения** актуальность исследования обусловлена крайней степенью конфликтности и событийной насыщенностью современной политической обстановки. Поскольку каждое из перечисленных событий комментируется в политических выступлениях в целях приобретения или сохранения символического капитала (престижа, репутации, власти), для непредвзятого восприятия фактов необходимо знать, какие манипулятивные приемы используются политиками (в частности – искусственное создание и поддержание враждебности между группами людей) с целью избегания подобных манипуляций.

С **лингвистической точки зрения** актуальность обусловлена сравнительно малым количеством лингвистических работ, которые при исследовании оппозиции «Свой-Чужой» в текстах принимали бы во внимание ее социальную природу и те социально значимые ее компоненты,

которые обуславливают ее возникновение и способы реализации в текстах. По нашему мнению, именно такой подход может дать новый взгляд на структуру и особенности современных текстов политического дискурса и дополнить некоторые теоретические положения дискурс-анализа.

Объект исследования – оппозиция «Свой-Чужой» как базовая социальная и когнитивная категория, а также как основной инструмент формирования и проведения политического дискурса.

Предмет исследования – функционирование и языковая репрезентация оппозиции «свой чужой» в текстах политического дискурса.

Целью дипломной работы является исследование тех языковых средств, которые свидетельствуют об агональном характере текстов политического дискурса, особенностей их употребления.

В соответствии с этой целью были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить социально значимые признаки оппозиции «Свой-Чужой», ее место и роль в функционировании общества и его разделении на отдельные противостоящие друг другу группы;
- 2) рассмотреть существующие социологические классификации деления общества на такие группы;
- 3) исследовать подходы к изучению оппозиции «Свой-Чужой» в рамках лингвистических наук;
- 4) выявить лингвистические маркеры, свидетельствующие о наличии в высказывании противопоставления «своих» и «чужих»;
- 5) определить роль оппозиции «Свой-Чужой» в текстах политического дискурса;
- 6) подтвердить полученные данные посредством практического анализа актуальных политических текстов.

Для решения поставленных задач при написании работы были использованы следующие **методы**: анализ научных работ, посвященных исследованию политического дискурса и теориям социальной стратификации, метод аналогии, индуктивное исследование языковых

проявлений оппозиции «Свой-Чужой», классификация полученного материала. В практической части были применены методы дискурс-анализа, описания и сравнения.

Степень разработанности проблемы. Интерес к исследованию особенностей политического дискурса как самостоятельному направлению дискурс-анализа зародился в последней четверти XX в. и окончательно сформировался на рубеже XX–XXI вв. в работах В.И. Карасика и Е.И. Шейгал. Их теоретические положения получили развитие в трудах таких ученых, как Т.В. Алиева, Ю.Е. Арекеева, К.С. Илиполова, Канчани Петер, С. Н. Колесникова, О.Л. Михалёва, И.В. Наместникова, М.Д. Невинская, М.Х. Рахимбергенова, А.Н. Серебренникова, С.Г. Тер-Минасова и др.

В то же время, при исследовании особенностей функционирования оппозиции «Свой-Чужой», довольно малое количество ученых принимает во внимание ее социальную сущность, останавливаясь на рассмотрении Оппозиции как когнитивной или культурной категории. В следствие этого некоторые теоретические положения, предложенные в рамках теории политического дискурса, не могут с достаточной степенью доказательности объяснить некоторые его феномены (например, исходящее из объективного наблюдения определение целей политического дискурса как «борьбы за власть» не может объяснить принадлежность к этому типу дискурса жанра инаугурационной речи или современные высказывания российских политиков относительно специальной военной операции на Украине, объясняющих происходящее борьбой за торжество справедливости и исторической миссией России). Также, после ознакомления с рядом работ, иллюстрирующих свои положения практическим анализом текстов политического дискурса, нам не удалось выявить существование единого метода такого анализа. В связи с этим мы были вынуждены обратиться к работам отечественных и зарубежных социологов: А.В. Шпилова, П.А. Сорокина, П. Бурдьё и др.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты проведенного исследования могут дополнить теорию политического дискурса положениями социальных наук, а также могут быть применены для создания последовательного, объективного и непротиворечивого метода анализа текстов политического дискурса на характер функционирования в них оппозиции «Свой-Чужой».

Структура работы: дипломная работа на тему «оппозиция “Свой-Чужой” в американском политическом дискурсе (на материале предвыборных речей Дж. Байдена и Д. Трампа)» состоит из реферата, введения, двух глав, шести параграфов, заключения, библиографического списка, списка использованных словарей и списка иллюстративного материала.

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Оппозиция «Свой-Чужой» в фокусе исследования социальных наук

1.1.1. Социальная сущность оппозиции «Свой-Чужой». Роль Оппозиции в формировании общества и конфликтных групп

«Почему любое Мы стремится противопоставить себя Они? Почему другие люди воспринимаются нами как Другие? Почему утверждение “своего” означает отрицание “чужого”»? [Шипилов, 2008: 6].

Поиск ответов на эти вопросы является основанием для исследований многих научных дисциплин: истории, этики, философии и т.д. Входит в круг этих дисциплин и лингвистика, изучающая языковые проявления оппозиции «Свой-Чужой» в тексте. Но для дальнейшего лингвистического рассмотрения данной оппозиции необходимо установить, является ли эта категория феноменом, свойственным языку в целом или некоторым отдельным языкам и/или языковым группам, как возникает оппозиция «Свой-Чужой», какими участниками она может быть представлена и какие универсальные, не зависящие от личностных ценностей и убеждений, цели они могут преследовать, выстраивая процесс коммуникации на данном основании.

Одной из наиболее комплексных работ, посвященных всестороннему культурно-психологическому исследованию Оппозиции, является работа профессора А.В. Шипилова «“Свой”, “чужие” и “другие”» [Шипилов, 2008]. Исследуя объективные причины для возникновения оппозиции «Свой-Чужой», автор рассматривает механизмы ее функционирования на пяти следующих уровнях организации человеческих сообществ:

- 1) этологическом (биологическом и инстинктивно-поведенческом);
- 2) психологическом;
- 3) социологическом;

- 4) этноисторическом;
- 5) политологическом [Там же: 5–176].

В ходе работы автор приходит к выводу, что оппозиция «Свой-Чужой», как базовая категория человеческого мышления, существует **во всех видах и формах человеческих сообществ** (вне зависимости от степени сложности их устройства и уровня их развития) и представляет собой конфликт интересов между некими сообществами («своими» и «чужими» с точки зрения индивида), который обусловлен базовыми особенностями биологической природы человека как вида, психологических процессов (когнитивных и гносеологических) и законов социальных взаимоотношений. Таким образом, можно сделать вывод, что и **любой язык**, обслуживающий человеческие сообщества, **должен обладать необходимым набором средств выражения оппозиции «Свой-Чужой»**. Такой набор может варьироваться как количественно, так и качественно, может быть представлен различными средствами и уровнями языка, выражаться как эксплицитно, так и имплицитно, но будет неизменно присутствовать в любом языке вне зависимости от степени его сложности и уровня развития.

Сделав такой вывод, следует рассмотреть те механизмы, которые обуславливают возникновение Оппозиции.

Исследованию данного вопроса посвящены работы британского социального психолога А. Тэшфела (H. Tajfel), основателя теории социальной идентичности («Я-концепция»). Обозначим несколько утверждений данной теории, актуальных для данного исследования:

1. Осознание индивидом своей принадлежности к некоей социальной группе (т.е. его социальная идентичность) имеет для него такое же экзистенциальное значение, как и осознание своей личностной идентичности.
2. Существование любой социальной группы обусловлено ее противопоставлением иной группе (“no social group or social category can be

conceptualized outside of their relation to other groups or categories” [Tajfel, 1973: 49]).

3. Вхождение индивида в группу и осознание группой своей идентичности обуславливается позитивным восприятием **характеризующих эту группу ценностей** и их противопоставлением **ценностям «чужой» группы** (“A group can contribute to the positive aspects of an individual’s image of himself only if it can be positively differentiated on some value-laden dimensions from other groups” [Там же: 49]). Здесь стоит дополнительно подчеркнуть важность ценностного аспекта в функционировании оппозиции «Свой-Чужой» для данного исследования, поскольку именно на этом утверждении будут строиться дальнейшие теоретические выводы. Более подробно роль ценностного аспекта будет рассмотрена в параграфе 1.1.2. на примере работ французского социолога П. Бурдьё через понятие «символический капитал».

4. Существование «чужой» группы всегда связано с ее **негативным восприятием** «своей» группой (“It was found that, as soon as the notion of ‘group’ was introduced into the situation, the subjects still discriminated against those assigned to another random category” [Там же: 27]).

Таким образом, проводя анализ текстов политического дискурса на наличие и характер реализации в них оппозиции «Свой-Чужой» (данный анализ, как мы указали ранее, мы можем проводить на материале любого языка), мы должны определить цель автора и контекст, то есть определить, идентичность с какой группой выражает автор текста и какой группе он себя противопоставляет – кто является в тексте «своими», а кто – «чужими».

В данном исследовании мы предлагаем отойти от субъективного, произвольного или частного разделения социума на отдельные группы, характерного для работ, посвященных исследованию оппозиции «Свой-Чужой» (напр., исследование взаимоотношений Демократической и Республиканской партии США на момент 2024 г. как самостоятельного явления). Данный подход во многом зависит от чутья исследователя, а

выделенные при таком исследовании признаки могут оказаться неприменимыми при изучении взаимоотношений других социальных групп. Вместо этого мы предлагаем обозначить универсальные параметры разделения общества на отдельные группы (на «своих» и «чужих»), которые были бы применимы в любом, подобном данному, исследовании, при изучении любых социально-культурных формаций и в любом историческом периоде. Для достижения этой цели необходимо обратиться к работам социологов, занимающихся разработкой теории социальной стратификации, т.е. разделения общества на отдельные «слои» (страты).

1.1.2. Теория социальной стратификации в работах П.А. Сорокина, У. Мура, П. Бурдьё и др.

Одним из основоположников теории социальной стратификации является российско-американский социолог П.А. Сорокин (1889–1968). В работе «Система социологии» (1920) он предложил дальнейшее развитие господствующей на тот момент в социологии марксистской теории классов. Согласно П.А. Сорокину, общество представляет собой не совокупность отдельных, замкнутых, сформированных по экономическому признаку классов, а единое социальное пространство, в котором индивид может одновременно занимать несколько позиций в соответствии с имеющимися или проявленными у него в той или иной степени «базовыми» признаками. Всего П.А. Сорокин выделил 13 таких признаков (и, соответственно, предложил деление общества на 13 «базовых сообществ», основанных на этих признаках):

- 1) общность по расовому признаку;
- 2) половому;
- 3) возрастному;
- 4) семейной принадлежности;
- 5) государственной принадлежности;

- б) языковой принадлежности;
- 7) профессиональной общности;
- 8) имущественной общности;
- 9) объемно-правовой;
- 10) территориальной;
- 11) религиозной;
- 12) партийной;
- 13) психо-идеологической принадлежности.

Несмотря на то, что работы П.А. Сорокина, посвященные теории социальной стратификации, послужили толчком к дальнейшим исследованиям данного направления, выдвинутая им теория не была лишена недостатков. Выстроенная П.А. Сорокиным классификация имеет скорее не доказательный, а описательный характер, а выделение представленных выше «базовых» сообществ следует из факта их объективного наблюдения в современной ученому действительности России и Европы начала XX в. Данная классификация не может объяснить суть и логику действующих в обществе глубинных механизмов, которые обуславливают возникновение именно таких сообществ и именно в той форме, с которой мы имеем дело в повседневной жизни на ежедневной основе. Впрочем, этот, без сомнения, существенный для социологической науки недостаток работы П.А. Сорокина является преимуществом для некоторых типов исследований; к данному преимуществу мы вернемся после рассмотрения других работ, посвященных таксономии общества.

В середине XX в. идеи П.А. Сорокина получили дальнейшее развитие в работах сторонников функционально-структурного анализа (Т. Парсонс, К. Дэвис, У. Мур и др.). Если П.А. Сорокин объяснял деление общества на отдельные группы наличием у их участников неких базовых, элементарных признаков (таких как принадлежность к той или иной расе, полу, языковому коллективу и проч.), сходство в которых «вызывает группировку индивидов в одно единое целое» [Сорокин, 1920: 75], то сторонники функционально-

структурного анализа проводили деление общества на основании ролей индивида в обществе, т.е. в рамках данной теории общество представляет собой не набор конкретных социальных групп, а систему социальных функций. В работе «Некоторые принципы стратификации» (1944) К. Дэвис и У. Мур выделяют следующие, главные, социальные функции, действующие в любом обществе:

1. «Религия», т.е. регулирование общества через привнесение общих моральных норм, ценностей и сакральных символов. Социальной группой, соответствующей этой функции, является духовенство.

2. «Правительство», т.е. регулирование общества посредством монополии силы и контроля. К данной функции относятся лица, непосредственно занимающиеся политической деятельностью.

3. «Богатство, собственность и труд», т.е. регулирование действий членов общества посредством экономического вознаграждения за обретение и распоряжение материальными благами в результате своих действий. Данная функция предполагает деление общества по статусу индивидов, основанном на объеме доходов, имеющейся в наличии собственности и роли в трудовых отношениях.

4. «Технические знания», т.е. функция нахождения средств для достижения стоящих перед обществом целей. Данную функцию обеспечивает принадлежность индивида к той или иной профессии, а деление общества производится на основании востребованности и мастерства владения специалистом своими профессиональными навыками [Davis, Moore, 1944: 242–249].

В 70-х годах XX в. зародился современный, постиндустриальный подход к изучению структуры общества. Для данного подхода характерна критика оформившейся в XIX в. марксистской классовой теории в целом и теории закрытых групп в частности, большее внимание уделяется роли личностным особенностям характера и поведения каждого отдельного индивида в формировании конкретных социальных групп. Изучению

социальной структуры в рамках современного подхода посвящены работы таких ученых, как А. Турен, Р. Дарендорф и др.

Особый интерес представляют труды французского социолога П. Бурдьё (1930–2002), представляющие одно из наиболее комплексных и проработанных исследований данного направления. П. Бурдьё предлагает рассматривать социальный мир в форме многомерного пространства, а положение в нем агентов и групп агентов – как результат неравномерного распределения и использования различных видов капитала (данный термин используется П. Бурдьё в отрыве от его сугубо экономического значения и определяется как сумма материальных и/или нематериальных ресурсов любого рода, определяющих шансы на выигрыш в соответствующем социальном поле) – экономического, культурного, социального и символического капитала (т.е. репутации, престижа и проч.). Агенты, схожие в отношении распределения видов капитала и обладающие сходным габитусом (т.е. «характерным множеством черт, которые приобретает индивид, диспозиции, которыми он располагает, или иначе говоря – свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, некоторого опыта» [Bourdieu, 2009]) занимают в социальном пространстве достаточно близкое положение, чтобы сформировать потенциальную социальную группу. Целью ученого при составлении таксономии общества, по мнению Бурдьё, является «установление адекватного знания о пространстве объективных связей между различными позициями, определяющими (социальное) поле» [Там же], т.е. определить габитусы членов группы и характеризующие эту группу формы капитала.

Стоит отметить, что, предлагая такой подробный подход к проблеме таксономии общества, П. Бурдьё, в отличие от П.А. Сорокина, не предлагает собственного, конкретного разделения общества на минимальные группы, а предлагает лишь принцип, которому должен следовать ученый в создании классификации социума или при проведении границ между отдельными группами.

Таким образом, ознакомившись с социальной сущностью оппозиции «Свой-Чужой» и рассмотрев историю развития взглядов на способы разделения общества на отдельные группы в рамках социологии, мы можем прийти к следующим выводам и замечаниям:

1. Оппозиция «Свой-Чужой» является объективно существующим, базовым феноменом, построенном на конфликте между некоторыми социальными группами, свойственным общечеловеческой биологии и психике и, следовательно, находящим выражение в проявлениях человеческой культуры в целом и в продуктах речевой деятельности в частности.

2. Изучение характера поведения человека в различных типах социальной общности (что является необходимым при анализе текстов на наличие и характер представленности в них оппозиции «Свой-Чужой») может исследоваться лингвистическими методами в рамках таких связанных с экстралингвистической реальностью дисциплин, как социолингвистика, гендерная лингвистика, диалектология и т.д., что позволяет нам перевести анализ оппозиции «Свой-Чужой» из сугубо социологического в лингвистическое поле исследования.

3. При анализе текстов на наличие и характер реализации в них данной оппозиции следует в первую очередь учитывать, с каким типом человеческой общности проводит самоидентификацию автор текста и с каким – дифференциацию, для чего необходимо опираться на одну из существующих таксономий общества на отдельные группы.

4. В соответствии с п.3, для проведения практического анализа текстов на проявленность в них оппозиции «Свой-Чужой», необходимо определить ту социальную классификацию, на которой будет основано дальнейшее исследование. Наиболее соответствующей нашим целям, на наш взгляд, является классификация П.А. Сорокина. Несмотря на то, что рассмотренные нами работы У. Мура и П. Бурдьё предлагают более современный и проработанный взгляд на природу и механизмы разделения

социума, в практическом применении они более подходят для создания теоретических моделей функционирования конкретных обществ, что не является целью данного исследования. Работа же П.А. Сорокина предлагает конечный список возможных социальных групп (т.е. участников коммуникации, вовлеченных в формирование оппозиции «Свой-Чужой»), предполагает определенную адресность и избавляет нас от необходимости в подробностях изучать и моделировать те частные механизмы, которые действуют в обществе, к которому относятся авторы рассмотренных нами во второй главе исследования текстов (Д. Трамп и Дж. Байден).

1.2. Категория «Свой-Чужой» в фокусе исследования лингвистических и общегуманитарных наук

1.2.1. Оппозиция «Свой-Чужой» как предмет исследования направлений современной лингвистики

Рассмотрев в п. 1.1. оппозицию «Свой-Чужой» через призму исследования естественных и социологических наук, мы убедились, что она не только является базовой категорией мышления, т.е. лежит в основе восприятия и обработки информации о мире, но и является одним из механизмов, обуславливающих разделение общества на отдельные группы. Теперь нам необходимо выяснить, какое место данная оппозиция занимает в общегуманитарных и лингвистических науках.

Как отмечает М.Х. Рахимбергвна, в задачи лингвистики при изучении оппозиции «Свой-Чужой» входит изучение «ее сущностных признаков, семантических и формальных оснований, способов экспликации и особенностей функционирования» [Рахимбергвна, 2008: 7]. Поскольку данная оппозиция является комплексным и многоуровневым явлением, в зависимости от рассматриваемого аспекта ее исследованием занимаются различные направления лингвистики: лингвокультурология, психолингвистика, лингвокогнитология, теория межкультурной

коммуникации др. Рассмотрим функционирование оппозиции «Свой-Чужой» в некоторых из этих направлений более подробно.

В рамках **лингвокультурологии** оппозиция «Свой-Чужой» рассматривается как одна из базовых оппозиций культуры (к которым также относятся оппозиции «верх-низ», «далеко-близко», «хорошо-плохо», «много-мало», «право-лево» и проч.), участвующих в формировании культурных кодов (код культуры, по определению В.В. Красных, «есть “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2003: 297]). В задачи лингвокультурологии, в данном случае, входит изучение специфики значимости культурных кодов в картине мира представителей какой-то конкретной культуры или человечества в целом [Серебренникова, 2005: 10], как эти коды фиксируются в языковом сознании и языке и проявляются в дискурсе [Красных, 2003: 297].

Одной из главных задач **теории межкультурной коммуникации** считается поиск способов достижения взаимопонимания представителей разных культурно-языковых пространств [Герман, 2012: 45]. Проблема культурного диалога (или, в определении С.Г. Тер-Минасовой, конфликта культур: «диалог культур – это эвфемизм, или, вернее и современнее, политкорректный вариант конфликта культур» [Тер-Минасова, 2008: 15]) заключается в несовпадении системы ценностей и культурных кодов у участников межкультурной коммуникации. Успешность коммуникации в данном случае напрямую зависит от понимания особенностей культурного кода собеседника и возможности его расшифровать [Наместникова, 2003: 22]. Одним из наиболее важных гносеологических инструментов, используемых для достижения этой цели, по мнению Л.И. Гришаевой, является оппозиция «Свой-Чужой» [Гришаева, 2007: 118], поскольку именно через адаптацию и интерпретацию «чужой» культуры через код и символы «своей» культуры достигается взаимопонимание [Наместникова, 2003: 28] и становится возможным «формирование

серединной культуры, сферы “Между”, позволяющей преодолеть потенциальную конфликтность» [Илиополова, 2010: 13]. Лингвистический аспект в теории межкультурной коммуникации заключается в исследовании вербальных и невербальных маркеров культурной информации, сопоставлении коммуникативных ситуаций, способов членения мира языковыми средствами, сравнении речевого поведения представителей различных культур [Абдукадырова, Цуцашвили, 2020: 12]

В рамках лингвокогнитивистики оппозиция «Свой-Чужой» понимается как когнитивная категория, «структурирующая познавательную и мыслительную деятельность человека и репрезентирующая такие области языковой семантики, в которых получает отражение личностный опыт индивида, а также совокупность представлений, воззрений, “чувствований” национальной общности» [Лаптева, 2013: 5]. Предметом исследования в данном случае являются «ментальные структуры, к которым относятся стереотипные представления о мире “своего” и “чужого” [Арекеева, 2023: 32], проявленные вербально или невербально оценочные характеристики оппозиции «Свой-Чужой» как концепта, ее структура и содержание.

1.2.2. Оппозиция «Свой-Чужой» как самостоятельный объект исследования. Имагология

Необходимость комплексного исследования оппозиции «Свой-Чужой» и ее глубокая связь с гуманитарными и естественными науками обусловили возникновение новой научной дисциплины, чьим объектом исследования является непосредственно сама Оппозиция, ее функционирование и проявления. Такая дисциплина зародилась во Франции в середине XX в. как направление сравнительно-исторического литературоведения и получила название **имагология**.

Споры о статусе и месте данной дисциплины в системе научного познания не прекращаются до сих пор. На рубеже XX–XXI вв. сформировалось несколько точек зрения на суть имагологии как науки. Некоторые исследователи, как, например, А.Р. Ощепков, дают ей максимально широкое определение и характеризуют ее как «сферу исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающуюся изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [Ощепков, 2010: 251]. Другие ученые склонны рассматривать имагологию как направление или ответвление той или иной науки. Так, С.А. Мезин интерпретирует имагологию как раздел исторической науки, исследующей те представления о другом народе или стране, которые складываются в общественном сознании на конкретном историческом этапе [Мезин, 2002: 149]. В.А. Хорев отмечает, что «“образы”, “картины” мира складываются <...> прежде всего в литературе» [Хорев, 2002: 8] и относит, таким образом, имагологию к одному из направлений литературоведения; аналогичное определение дает Н.Е. Яценко в «Толковом словаре обществоведческих терминов»: «Имагология – учение об образах как составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении.» [Яценко, 1999]. Наконец, имагология может рассматриваться как культурологическая или социологическая дисциплина, изучающая представления участников культурного диалога друг о друге [Нойманн; цит. по: Ощепков, 2010: 251].

Проблема функционирования оппозиции «Свой-Чужой» в имагологии разрабатывается также и лингвистическими методами. Лингвистическая имагология определяется как «раздел науки об образе, изучающий языковые особенности формирования и функционирования образа того или иного государства в конкретном дискурсе» [Костина, 2011: 28], а в ее задачи входит «изучение языковой реализации выражения образов в их связи с мировидением и талантом автора произведения» [Иванова, 2016: 165] или

«воссоздание “карты”, матрицы образа “другого” в национальной культуре, явленной в языковых формах как в массовом восприятии, так и в индивидуально-групповом» [Зеленин, 2013: 71]. Несмотря на актуальность данного направления, современная лингвоимагология, по мнению ряда ученых, таких как А.Р. Ощепков, С.Д. Камалова и других, находится в стадии активного формирования [Ощепков, 2010; Камалова, 2018]. Перед исследователями стоят задачи определения дисциплинарного статуса новой научной дисциплины, ее объекта и предмета исследования.

Дисциплинарный статус лингвоимагологии в лингвистике, как и место имагологии в общей системе научного познания, является дискуссионным вопросом. Большинство исследователей ставят под сомнение ее самостоятельность как научной дисциплины: так, О.В. Томберг считает, что лингвистика является лишь одной из наук филологического и общегуманитарного цикла, предоставляющих филологической имагологии свои методологические подходы [Томберг, 2015: 255]; лингвоимагология в данном случае рассматривается как раздел либо общей, либо филологической имагологии. Другие ученые, как, например, Л.П. Иванова, также склонны считать лингвоимагологию «маргинальным» направлением лингвистики и определяют ее как направление в теории коммуникации и когнитивной лингвистики [Иванова, 2013: 471]. Наконец, некоторые исследователи, хотя и признают лингвистическую имагологию самостоятельной дисциплиной, все же подчеркивают ее междисциплинарный характер: «лингвистическая имагология – новое направление филологических исследований, формирующееся в наши дни на стыке нескольких наук: лингвокультурологии, этнолингвистики, этнологии, этносемиотики, культурной семантики, лингвопедагогики, теории дискурса, лингвоаксиологии.» [Зеленин, 2013: 63].

Отдельного упоминания заслуживает связь лингвистической имагологии с другой научной дисциплиной – **имиджелогией**. Данное направление сформировалось в 90-е гг. XX в. и ее возникновение связывают

с работами российского ученого В.М. Шепеля («Имиджелогия: секреты личного обаяния», 1990 г. и «Имиджелогия: как нравиться людям», 2002 г.). На сегодняшний день является актуальным вопрос о разграничении этих двух дисциплин. Главное отличие имиджелогии от лингвистической имагологии состоит в том, что она «носит не только теоретический, но и практический, прикладной характер» [Урядова, 2015: 35], а ее задачей является не изучение существующих в сознании стереотипов и образов иных социальных групп и культур, но «создание методологического и методического оснащения для профессиональной деятельности по созданию и преобразованию имиджа» [Перельгина, 2002: 15]. Под имиджем в данном определении понимается «искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия» [Вишнякова, 2015: 528]. Тесное взаимодействие лингвистической имагологии и имиджелогии позволяет некоторым исследователям считать лингвоимагологию частью имиджелогии [Кожевникова, 2016: 56].

Говоря об **объекте современной лингвоимагологии**, мы вынуждены признать, что единого мнения на этот счет на сегодняшний день также не существует. В общем смысле под объектом лингвистической имагологии понимается образ или имидж «чужого/другого» (страны, народа, этноса, культуры): «Предметом лингвистической имагологии является изучение образа другой культуры, другого народа, этноса, что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках ит. п.) и отражает коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления» [Зеленин, 2013: 63]. Некоторые ученые акцентируют важность оценочного аспекта оппозиции «Свой-Чужой», называя объектом лингвоимагологии языковые стереотипы: «...лингвистическая имагология призвана изучать стереотипы, с которыми носители одного языка относятся к другому языку или же к “чужим” формам языка собственного» [Бойцов, 2010: 5–6] либо «всевозможные оценки того

или иного языка или его элементов как извне, так и самими носителями» [Хайров, 2017: 293]. Также как объект исследования может рассматриваться образ страны/государства в конкретном дискурсе: «Лингвистическая имагология – раздел науки об образе, изучающий языковые особенности формирования и функционирования образа того или иного государства в конкретном дискурсе» [Костина, 2011: 28].

1.2.3. Лингвистические предпосылки для анализа оппозиции «Свой-Чужой»

Подведем итоги. В данном параграфе мы рассмотрели роль и место исследования оппозиции «Свой-Чужой» в различных направлениях современной лингвистики (лингвокогнитологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации), ознакомились с новым направлением гуманитарных наук, посвященном изучению непосредственно оппозиции «Свой-Чужой» – имагологией, и с проекцией этой науки на лингвистическую область исследования - лингвоимагологией. Мы убедились, что исследование концепта «Свой-Чужой» имеет особую научную ценность для данных дисциплин и является актуальным при решении таких практических задач, как составление языковой картины мира отдельной языковой личности или языкового коллектива, выявление особенностей кода той или иной культуры, построение диалога между различными культурами. Для достижения этих целей могут применяться лингвистические методы, а именно изучение закрепленных в языке и проявляющихся в дискурсе сущностных признаков оппозиции «Свой-Чужой», ее семантических и формальных оснований, способов экспликации и особенностей функционирования.

1.3. Языковые средства реализации категории «Свой-Чужой» в английском языке

1.3.1. Оценочный аспект

Как мы указывали в п. 1.1, важнейшую роль в формировании оппозиции «Свой-Чужой», играет ценностно-оценочный аспект, выражающийся в оценивании «своей» и «чужой» группы, сравнении норм, ценностей и других форм символического капитала, характеризующих эти группы [Tajfel, 1973; Bourdieu, 1984]. Подобная оценка порождает наиболее распространенную позицию: «свой – значит, хороший, чужой – значит, плохой» (см.:Tajfel, 1973). Из этого следует, что наиболее специфическими маркерами Оппозиции являются те экспрессивные единицы и стилистические средства языка, для которых сравнение и эмоциональная оценка составляет ядро их значения, например:

- 1) эмоционально окрашенные единицы, ярлыки (*robbers, mob, insurrectionists*);
- 2) показатели умаления значимости (*some, any.*);
- 3) показатели недоверия, сомнения в достоверности слов оппонента (*so-called, supposedly; uncertain; queer*);
- 4) лексемы совместности (*union, integrated, all, common, the same, share something*);
- 5) формулы причастности (*So do I; like You*) [Ехлакова, 2011: 247];
- 6) эвфемизмы и дисфемизмы, роль которых заключается в «камуфлировании, затушевывании негативных действий и характеристик «своего» и гиперболизации отрицательных действий и характеристик «чужого» [Алиева, 2012: 184].

Данные средства будут более подробно рассматриваться при дальнейшем описании средств выражения оппозиции «Свой-Чужой».

1.3.2. Фонетический уровень выражения оппозиции

Возможность формирования Оппозиции посредством фонетического уровня языка представляется нам ограниченной по ряду причин.

Во-первых, фонема, как единица языка, не обладает лексическим и/или коннотативным значением; следовательно, оценочный аспект, ведущую роль которого в формировании оппозиции «Свой-Чужой» мы неоднократно указывали в ходе исследования, реализуется не благодаря использованию той или иной фонемы, а вследствие взаимодействия фонетических средств с другими средствами языка или общим контекстом ситуации. Во-вторых, фонема характеризует не окружающую действительность (поскольку фонема, как языковой знак, не имеет плана содержания), а строй самого языка. Следовательно, особенности фонетической системы языка и ее использования могут служить основанием лишь для некоторых из выделенных П.А. Сорокиным типов сообществ – объединенных общностью языка и территории (в случае территориальных диалектов и вариантов одного языка).

Примером группы, для которой особый способ использования фонетической системы и уникальная территориальная принадлежность являлись бы интегральными признаками, может послужить просторечие кокни (соскнеу), исторически сложившееся и функционировавшее в районе Лондона Ист-Энд. Для этого диалекта характерны такие, не свойственные общей норме британского английского языка особенности произношения, как пропуск звука [h] («*not 'alf*» вместо «*not half*»), произношение звука [θ] как [f] («*faas 'nd*» вместо «*thousand*») и [ð] как [v] («*bover*» вместо «*bother*»), превращение [aʊ] в [æ:] («*down*» - [*dæ:n*]) и т.д. [Игнатов, Митчелл, 2013: 68].

Стоит отметить, что особенности произношения могут использоваться не только в речи самого носителя того или иного языка или диалекта (как средство самоидентификации), но и в речи третьего, не относящегося к данной группе, лица. В этом случае отхождение от нормы родного языка

(или использование нормы другого языка) стоит рассматривать как стилистический прием, отражающий отношение говорящего к характеризуемой им группе. Примером использования такого приема может послужить выступление Д. Трампа от 24 февраля 2024г. (полный разбор которого представлен в п.2.2). В своей речи Д. Трамп критикует взятый администрацией действующего президента США Дж. Байдена курс на «потепление» отношений с Соединенными Штатами Мексики и ослабление таможенного и миграционного контроля на американо-мексиканской границе. Характеризуя действия Дж. Байдена и его сторонников, Д. Трамп говорит: “*they are sickos...They are sick people!*” ([24:31–24:55]). Здесь Д. Трамп намеренно отходит от норм произношения английского языка и использует нехарактерное для данной конструкции в английском языке согласование глагольной и именной (выраженной прилагательным) частей сложного сказуемого в числе и лице. Такое согласование, впрочем, является нормой для испанского языка, являющегося государственным языком Мексики, ср. перевод этой фразы: “*estos (hombres) son locos*”. Глагол-связка *son* является формой настоящего времени, 3го лица, мн. числа глагола *ser* («быть»); окончание *-os* в слове *loco* («больной, безумный») выражает те же грамматические категории лица и числа. Используя при характеристике действий Дж. Байдена грамматику другого языка и **имитируя испанский акцент** при произнесении этой фразы, Д. Трамп дополнительно подчеркивает, что его оппонент, субъективно, не относится к англоговорящему сообществу граждан США, а выражает интересы испаноговорящих мексиканских иммигрантов (т.е. является «чужим» для американского сообщества по языковому, территориальному и государственному признакам).

В письменных текстах рассмотренный выше прием реализуется с помощью **граффонов** – фигуры речи, заключающейся в «намеренном и прагматически мотивированном отклонении от нормативного графического и/или орфографического облика слова для достижения какого-либо

стилистического эффекта» [Сковородников, 2014: 108]. Использование графонов для формирования оппозиции «Свой-Чужой» мы можем увидеть в литературном произведении “Harry Potter and the Half-Blood Prince” (2005) авторства J.K. Rowling, где персонаж Fleur (француженка по происхождению), становится частью семьи Weasley (коренные британцы). Автор подчеркивает чужеродность героини этой семье не только ее отношением к ценностям английского общества, но и особенностями ее произношения:

“I was so pleased to ‘ear you would be coming – zere isn’t much to do ‘ere, unless you like cooking and chickens! <...>

“Mum hates her”, said Ginny quietly.” [Rowling, 2014: 77]

1.3.3. Морфологический уровень выражения оппозиции и дейктические единицы

На морфологическом, как и на фонетическом уровне языка, оппозиция «Свой-Чужой» имеет ограниченные возможности для своего формирования и выражения. Некоторые аффиксальные морфемы имеют заложенный в них оценочный компонент, выражают совместимость, или, наоборот, разделенность: *anti-*, *pan-*, *pro-* и пр. Однако эти аффиксы могут лишь свидетельствовать об агональном характере высказывания, но не проводить границу между «своими» и «чужими»; так, слово *Pro-American*, использованное в речи российского и американского политика, будет обозначать разные стороны конфликтующих сторон («чужих» и «своих» соответственно).

Другим средством языка, непосредственно указывающим на совместность или разделенность описываемого явления (и гораздо более универсальным и частотным, чем словообразующие аффиксы), являются единицы, обладающие индикаторной функцией, т.е. **дейктические средства**. **ДЕЙКСИС** (от греч. δείξις – показ, указание) – функция слов и

грамматических категорий, которые позволяют указать лицо, предмет или отрезок времени через их отношение к данному высказыванию: к его участникам (говорящему и слушающему) и контексту (прежде всего – времени и месту) [Большая Российская энциклопедия]. А.А. Матвеева так характеризует роль дейксиса в формировании Оппозиции: «дейксис чётко разграничивает “своих” и “чужих” благодаря указанию на наличие или отсутствие принадлежности к личному пространству своего “я”. То, что вовлекается в личную зону, ядром которой является “я”, становится “своим”. То, что находится за пределами личной зоны, характеризуется как “чужое”» [Матвеева, 2007: 113]. Ведущую роль в этом процессе играют местоимения: парадигма местоимений первого лица используется для обозначения «своего» круга общности (личные местоимения: *I, us*, инклюзивное *we*; притяжательные местоимения: *my, our*; возвратные местоимения: *myself, ourselves* и т.д.), а парадигма местоимений третьего лица – для обозначения «чужих» (соответственно, *he/she/it/they, her/his/its/their, himself/herself/itself* и т.д.).

Пространственная характеристика коммуникативной ситуации имеет такое же большое значение для формирования Оппозиции, как и личностная: наречие *here* и указательные местоимения *this/these*, обозначающие пространственную (или ментальную) близость к говорящему описываемого предмета или явления, подразумевают вхождение этого объекта в личную зону говорящего, т.е. осмысляются как часть «своего» круга общности. В свою очередь, наречие *there* и указательные местоимения *that/those*, подразумевающие отдаленность описываемого объекта от говорящего, скорее указывают на принадлежность этого объекта к «чужому» кругу [Там же: 114].

Стоит отметить, что само по себе наличие в тексте двух действующих сторон, в отношении одной из которых будут использоваться местоимения первого, а в отношении другой – третьего лица, не является достаточным основанием для утверждения, что этот текст имеет агональную

направленность. Практически лишённые номинативной силы, местоимения не имеют возможности в полной мере передавать тот спектр отношений и значений, которые служат формированию и функционированию оппозиции «Свой-Чужой». Такой способностью, впрочем, обладают другие языковые средства, подробное рассмотрение которых приведено в следующих подпараграфах.

1.3.4. Лексический уровень выражения оппозиции

Особую роль в формировании социальной группы (и, как мы убедились п.1.1, в возникновении оппозиции «Свой-Чужой», поскольку любая группа существует как противовес другой группе), играют средства номинации. О важности номинации писал П. Бурдьё в ранее рассмотренной нами работе «Социальное пространство и генезис “классов”» (1984). Французский социолог считал название группы одним из видов конституирующего ее капитала, а акт наименования группы – «магической операцией», ставящей вопрос о существовании группы и ее учреждении [Bourdieu, 1984].

Не все существующие в языке средства номинации имеют равную способность к формированию оппозиции «Свой-Чужой»: так, по очевидным причинам, такой возможностью **не обладают антропонимы**, т.е. имена конкретных лиц (“*John*”, “*Mary*”, “*Mr. Henderson*” и др.), за исключением тех случаев, когда они используются в качестве имен нарицательных и/или служат названием не одного конкретного лица, а некоей группы (так, автомобильные компании *Ford*, *Renault*, *Peugeot* и др. названы по фамилии их основателей; однако, в данном употреблении, данные слова относятся не к классу антропонимов, а к классу эргонимов).

По нашему мнению, наибольшей силой по формированию Оппозиции обладают следующие классы онимов: **этнонимы** (и их подвиды: **эндоэтнонимы**, **экзоэтнонимы**, **этнофализмы/эктронимы**), **топонимы**, **эргонимы**, «**наименования лиц**». Рассмотрим эти классы более подробно.

Этнонимы (от греч. *ἔθνος* – племя, народ и *ὄνομα* – имя, название) – названия наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и других этнических общностей (этносов). Использование этнонимов может свидетельствовать о разделении не только по **этническому** или **расовому** признаку (что следует из названия), но также по другим признакам. Так, сюда можно отнести группы, сформированные по **языковому признаку** (т.к. этнонимы являются одним из основных источников возникновения лингвонимов, т.е. названий языков, диалектов, жаргонов и пр.: *French, Russian, German* [Дуличенко, 2020: 15] и, соответственно, языковых коллективов, говорящих на этих языках. В английском языке принадлежность к языковому сообществу выражается присоединением к корню лингвонима корня *speaking, person, man, woman* или определенного артикля *the*: *French-speaking, a Frenchman/Frenchwoman, the French*). Принадлежность индивида к тому или иному **государственному образованию** также может выражаться этнонимом, если это образование было названо по имени его титульной нации: *England* – в честь племени англов (др. англ. *Ængle*), *France* – по имени племенного союза франков (лат. *Franci*).

Особый интерес для исследований, посвященных исследованию оппозиции «Свой-Чужой», представляют подклассы этнонимов – **эндоэтнонимы** (самоназвания народов или племен) и **экзонимы** (этнонимы, «не употребляющиеся местным населением или народом, в том числе и на официальном уровне, однако используемый по отношению к ним внешними сообществами» [Сызранова, 2013: 181]. Как мы указывали ранее, восприятие «своей» группы связано с положительной ее характеристикой, а «чужой» – с отрицательной; соответственно, нередко экзонимы несут в себе такой негативный компонент. Мы видим подобный прием номинации в греческом и латинском языках (так, словом «варвары» (греч. *βάρβαροι*, лат. *barbari*) обозначались все не-греки и не-римляне, которые не говорили на языках этих народов) или в русском («немцы», т.е. «немые»).

Наиболее ярко негативная оценка «чужой» народности проявляется в той группе слов, которую можно рассматривать как частный случай или подкласс экзонимии – **этнофализмов** или **эктронимов**. Этот класс слов определяется как национально-окрашенные прозвища, «словесные символы и штампы, обладающие оттенками этнической, расовой и конфессиональной нетерпимости и предубеждения к другим народам» [Маруневич, по: Годунова, 2011: 104].

Английский язык обладает большим набором эктронимов, образованных, в первую очередь, посредством **метонимии**. Е.В. Годунова называет следующие виды метонимического переноса, характерные для эктронимов английского языка:

1. Особенности кулинарных предпочтений (прозвища *limey* и *kipper*, т.е. «поедатели лаймов» и «поедатели копченой селедки», были даны австралийцами британским иммигрантам и морякам; *Froggy/frog eater(s)* – пренебрежительное обращение британцев к французам, ср. рус. «лягушатник»; *sausage* – эктроним для обозначения этнических немцев, *macaroni* – итальянцев).

2. Особенности хозяйственной деятельности, характерные для данной нации: *bog hopper* и *torf cutter* – эктроним для обозначения ирландцев.

3. Национальные символы или другие ритуальные проявления общности: *shamrock* – трилистник, национальная эмблема Ирландии; *red* или *tovarisch* – эктронимы для обозначения русских.

4. Особенности внешнего вида расы: *banana* – обозначение американцев азиатского происхождения – «желтый снаружи, белый внутри», *coconut/coconut head* – эктроним для афроамериканцев (принцип номинации тот же, что и в случае с *banana*). [Годунова, 2011]

Аналогичную классификацию мы находим в работе Роберта Мура “Racist Stereotyping in the English Language” (1988): прозвища, основанные на цвете кожи (“*nigger*”, рус. «черномазый»), разрезе глаз (англ. “*slant-eyes*”,

рус. «узкоглазый»), или образованные посредством усечения формы общепринятых этнонимов, напр., “*Jap*” и “*Chink*” вместо “*Japanese*” и “*Chinese*” соответственно [Moore, 1988: 270].

Топонимы предоставляют возможность наименования тех же базовых групп, что и этнонимы (т.е. сформированных по языковой, этнической/расовой, территориальной и/или государственной общности). Яркий пример такого использования мы видим в выступлении Джо Байдена от 05.01.2024, рассмотренного в главе 2: “*I saw strength. Your strength, it’s not hyperbole. Your strength, your integrity, **American** strength and integrity*”. В данном примере действующий президент США Дж. Байден использует топоним *America*, имея ввиду англоговорящих граждан США, проживающих на данной территории.

Эргонимы, т.е. «названия деловых объединений людей, например, союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская; цит. по: Тортунова, 2012: 124] обладают способностью формировать и разделять группы, сформированные по **профессиональному** (*Ford factory workers*, «рабочие завода Форд», *a soldier of the **British Army***, «солдат Британской армии»), **религиозному** (*parishioners of **Holy Trinity***, «прихожане церкви Святой Троицы»), **партийному** (*member of **Communist party of China***, «член Коммунистической партии Китая») и **психо-идеологическому** признакам (*fan of **Led Zeppelin***, «фанат рок-группы Led Zeppelin»). Аналогичной эргонимам по семантике и случаям употребления являются «**наименования лиц**» – «категория личных имён существительных, которые служат названиями людей по социальному положению» [Воеводина, 2010: 468], т.е. слова, называющие не социальную группу, к которой принадлежат ее члены (как эргонимы), а самих представителей этого сообщества: *Ford factory workers*, *a soldier of British Army*, *(a) christian*, *(a) communist*, *(a) rock fan*.

Рассмотрев способы номинации как средство разделения общества на отдельные группы, следует обратиться к другому, обратному процессу –

прямому отказу от прямой номинации оппонента или игнорированию его социальной индивидуальности. Такой прием используется как демонстрация крайней степени превосходства «своей» группы над «чужой». Так, Робин Лакофф (Robin Lakoff) в работе “Language and Woman's Place” (1973), рассматривая на материале английского языка проявления сексизма, отмечает, что женщины в сексистских высказываниях редко называются по имени или по определяющему их роду занятий; вместо этого они характеризуются через мужчин, которые являются их представителями: *«In every aspect of life, a woman is identified in terms of the men she relates to. The opposite is not usually true of men: they act in the world as autonomous individuals, but women are only 'John's wife', or 'Harry's girlfriend»* [Lakoff, 1973: 65]. Аналогичную тенденцию отмечает Соловьева Н. С., указывая, что при формировании оппозиции «Свой-Чужой» женщины крайне редко представляют хотя бы одну из сторон [Соловьева, 2012].

В главе 2 мы также встретим подобную стратегию: Дж. Байден в своем выступлении использует в отношении своих оппонентов такие определения, как *“rabid mob”*, *“insurrectionists”*, т.е. «толпа», «мятежники», лишь изредка прибегая к адресной номинации *“Trump and his MAGA supporters”*. Оппонент Дж. Байдена, Д. Трамп, прибегает к еще более общей характеристике, но уже в отношении своих потенциальных избирателей: *“those who share the common sense”*, т.е. «здравомыслящие люди». Так отказ от прямой номинации позволяет не только продемонстрировать превосходство над «чужой» группой, но и охарактеризовать довольно широкий круг «чужих», не вступая с ними в прямую конфронтацию или с целью потенциального расширения «своей» группы.

Еще одним маркером оппозиции «Свой-Чужой» являются те разделы лексики, функционирование которых ограничено конкретной социальной группой: **неологизмы, молодежный и профессиональный жаргон, арго и сленг**. Использование этих разделов лексики мы частично затронули выше, поскольку нередко экронимы и негативно окрашенные наименования лиц

имеют свое происхождение из сленга или жаргона определенной социальной группы: так, Н.С. Соловьева в работе «Проявление оппозиции “Свой-Чужой” в социальных группах» (2012) приводит в пример такие пренебрежительные наименования лиц:

1) бытующие среди городских и сельских жителей (территориальное единство): *country cousin* («провинциал, деревенский житель, впервые попавший в город»), *city slicker* («умный, ловкий городской приезжий»);

2) бытующие в среде военных (профессиональное единство): *ground hogs/chairborne airmen/wingless wonder* («служащий военно-воздушных сил, не являющийся пилотом»); *ass-polisher* («штабной работник, бюрократ») [Соловьева, 2012: 390].

Примеры жаргонных и сленговых наименований расовых, этнических, языковых и государственных сообществ мы рассмотрели в предыдущем подпараграфе.

Стоит отметить, что взаимное принятие лексического кода обеими сторонами может привести к их объединению и стиранию оппозиции «Свой-Чужой». Примером может послужить рассказ Рея Бредбери «They knew what they wanted» (1954), в котором отец семейства обсуждает со своими дочерьми созданные ими портреты воображаемых ими «идеальных» будущих женихов:

“All well and good,” said father. “But when you've finished, what do you do? Search for this dream prince in person?” <...>

“Sometimes I think he should have blue eyes, sometimes brown,” said Marie. “It’s amazing how I change my mind. How do you like it? Snazzy, huh?”

“Are they still saying ‘snazzy’?” wondered father aloud. “That word got around in ’34, when I was in college. Yes, this fellow is quite snazzy.” [Bradbury]

На данном примере видно, как отец семейства, сперва относившийся к творчеству дочерей (две разные возрастные группы) иронично и покровительственно, сменил стратегию поведения и вошел в один круг

общности со своими дочерьми после нахождения общего языкового кода (“*snazzy*”).

1.3.6. Синтаксический уровень выражения оппозиции

Оппозиция «свой-чужой» также может реализовываться не только при помощи отдельных элементов, но и при помощи целых синтаксических конструкций. Согласно Т.В. Алиевой, наиболее часто употребляемыми для этой цели средствами являются:

- 1) пассивные и активные залоговые конструкции;
- 2) вопросительные предложения;
- 3) эллиптические предложения;
- 4) парентетические внесения;
- 5) эмфатические предложения;
- 6) параллельные конструкции;
- 7) вопросно-ответные единства;
- 8) цитация [Алиева, 2017: 126].

Формы залога могут использоваться для усиления положительной оценки «своих» или отрицательной оценки «чужих». Используя активный залог, говорящий подчеркивает роль субъекта как инициатора события; конструкции с пассивным залогом, наоборот, позволяют скрыть или преуменьшить роль субъекта в событии или полностью его обезличить [Там же: 120]. Т.В. Алиева приводит следующий пример использования разных форм залога, обусловленных разными прагматическими целями: “*jihadist can kill westerns/westerners can be killed*”. В первом случае активный залог служит созданию резко отрицательного образа «чужих» (*jihadist*), как ответственных за массовые убийства; во втором случае пассивный залог не только обращает большее внимание на страдания «своих» (*westerners*), но и скрыть роль «своих» в формировании конфликта, повлекшего за собой упомянутые убийства [Там же: 122].

Аналогичную тенденцию отмечали Томас Гринфилд в статье “Race and Passive Voice at Monticello” (1975) и Роберт Мур в работе “Racist Stereotyping in the English Language” (1988). Исследователи указывали, что в формы активного залога, в основном, используются по отношению к представителям европейской расы и форм пассивного залога по отношению к представителям остальных, обладающих меньшим набором прав и свобод, рас: “*while speaking of the architectural achievements of Jefferson in the active voice, she (the tour guide) unfailingly shifted to passive when speaking of the work performed by Negro slaves and skilled servants*” [Greenfield, 1975: 146]; “*some history texts will discuss how the European immigrants came to the United States seeking a better life... but will note that “slaves were brought to America”*” [Moore, 1988: 273].

Вопросительные предложения (в особенности – риторические вопросы) и **параллельные конструкции** «создают эффект нагнетания атмосферы и выступают как инструмент идеологического воздействия... позволяют имплицитно создать образ «чужого», несущего угрозу, нестабильность и разрушение» [Сейранян, 2014: 330–331]», напр.: *What kind of Europe, what kind of America, what kind of world will we leave behind?*

Другие синтаксические стилистические средства (эллиптические и эмфатические предложения, парентетические внесения, цитация) используются с аналогичными целями: расстановке смысловых акцентов, смещении фокуса внимания слушателя на «своих» или «чужих», усилении высказывания и пр.

1.4. Оппозиция «свой-чужой» в исследованиях политического дискурса.

1.4.1. Понятие дискурса

Теперь, когда мы ознакомились с социальной сущностью оппозиции «свой-чужой» и ее ролью в разделении общества на отдельные, меньшие,

различающиеся на том или ином основании группы (параграф 1.1.), рассмотрели ее место в сфере исследования гуманитарных наук (параграф 1.2.) и лингвистические средства ее презентации в текстах (параграф 1.3.), необходимо изучить, как данная оппозиция участвует в формировании и реализации того вида дискурса, которому посвящено данное исследование – политического дискурса.

Для начала необходимо дать определение понятию «дискурс». Несмотря на то, что в лингвистике особый интерес к дискурс-анализу возник во второй половине XX в., попытки обозначить деятельностьную природу языка и отделить ее от понятий «язык», «текст», предпринимались и ранее. Так, еще Л.В. Щерба в 30-е гг. XX в. подвергал критике сугубо формальный подход к изучению языка, подчеркивая, что «механические...законы...не достаточны для объяснения...Язык есть деятельность человека, направленная всякий раз к определенной цели» [Щерба, 1974: 102]. Аналогичных взглядов в те же годы придерживался и В.Н. Волошинов: «Язык живет... в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка...» [Волошинов, 1929: 114]. В зарубежной лингвистике одной из первых работ, посвященных дискурс-анализу, является труд З. Харриса (Zellig S. Harris) “Discourse analysis” (1952). Под дискурсом ученый понимает последовательность предложений, произнесенных или написанных одним или несколькими людьми в определенной ситуации (*“the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation”* [Harris, 1952: 3]) и подчеркивает необходимость при анализе текстов принимать во внимание не только лингвистическую, но и экстралингвистическую реальность (*“the question of correlating 'culture' and language (i.e. non-linguistic and linguistic behavior)”* [Там же: 3]).

В современной лингвистике существует несколько определений дискурса. В отечественной науке дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в

событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь, «погруженная в жизнь» [ЛЭС, 1990: 136], «целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Седов, 1999: 5], и т.д. В англоязычной литературе мы находим определение, приведенное в Кратком оксфордском лингвистическом словаре (The concise Oxford dictionary of linguistics), цитируем с нашим переводом определения: «Любая связная последовательность предложений... зачастую эквивалентная термину “текст”...определенный “тип” или “стиль” языка (политический дискурс, религиозный дискурс и т.д.)...или манера речи, характерная для определенного вида дискурса» [Moore et al, 2007: 107].

Как мы указали выше, из всех видов дискурса в данном исследовании нас интересует политический дискурс, поскольку его целью является борьба за завоевание, сохранение и осуществление политической власти [Колесникова, 2011: 68; Карасик, 2018: 33], а рассматриваемая нами оппозиция «свой-чужой», является семантической основой концепта «борьба за власть» и наиболее полно раскрывается именно в этом виде дискурса [Канчани, 2007: 4].

Так как термин и явление «политика», взятый в абстрактном, безотносительном понимании, охватывает слишком широкую область разнородных явлений, употреблений и текстов, проведение границы между политическим и другими видами дискурса представляет актуальную научную проблему. Все множество существующих на сегодняшний день определений политического дискурса представляется возможным разделить на узкий и широкий подходы [Кравченко, 2022: 447].

В рамках широкого подхода в область политического дискурса включаются все дискурсивные проявления, связанные с политической деятельностью. Такое определение мы встречаем у А.Н. Баранова: «политический дискурс образует совокупность всех речевых актов,

используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, 1997: 108], Е.И. Шейгал: «(при определении политического дискурса) <...> следует исходить из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал, 2000: 23]; А.П. Чудинов подчеркивает важность исследования в данном виде дискурсов не только речевых актов, языковых и коммуникативных категорий, но также когнитивных категорий и экстралингвистических факторов: «в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании <...> компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К числу этих компонентов относятся <...> политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация» [Чудинов, 2008: 41].

В рамках узкого, или институционального, подхода политический дискурс исследуется как вид институционального дискурса, т.е. как диалог представителей той или иной социальной группы, вынужденных общаться в соответствии с нормами данного социума и своими статусно-ролевыми характеристиками [Карасик, 2000; 2006]. Как одно из оснований для выделения того или иного институционального дискурса в данном подходе рассматривается его социально значимая цель общения, в случае с политическим дискурсом – борьба за власть [Карасик, 2018: 32, 34]. Другие ученые, например, Т.А. ван Дейк, М.Г. Цуциева и др. понимают под политическим дискурсом совокупность конкретных институциональных форм общения или типов текста (напр., инаугурационная речь, указ, послание президента в стране и проч.), которые «осуществляются в общественных институтах, где общение является составной частью их организации» [Цуциева, 2015: 174].

1.4.2. Компонентная структура институционального дискурса

Комплексному изучению различных видов институционального дискурса (и, в частности, политического дискурса) посвящены работы российского ученого В.И. Карасика ([Карасик, 2000; 2006; 2018]). Характеристика какого-либо типа институционального дискурса, по мнению В.И. Карасика, требует рассмотрения таких компонентов, как:

- 1) участники;
- 2) хронотоп;
- 3) цели;
- 4) ценности (в том числе и ключевой концепт);
- 5) стратегии;
- 6) материал (тематика);
- 7) разновидности и жанры;
- 8) прецедентные (культурогенные) тексты;
- 9) дискурсивные формулы [Карасик, 2002: 209].

Для достижения целей данного исследования мы предлагаем изменить порядок рассмотрения предложенных компонентов политического дискурса и начать изучение с его целей, поскольку, как мы увидим далее, именно такой порядок наиболее наглядно представляет роль оппозиции «свой-чужой» в данном типе дискурса.

1.4.3. К вопросу об определении целей политического дискурса

Целью политического дискурса, как мы указали выше, является борьба за завоевание, сохранение и реализацию власти [Карасик, 2000; 2006; Шейгал, 2000]. Мы предлагаем расширить понимание концепта «борьба за власть», перефразировав его определением П. Бурдьё, рассмотренным в п. 1.1, и понимать его как борьбу за обладание и распределение

символического капитала, в который, помимо власти, также входит престиж, репутация и др. Такой подход предлагает ряд преимуществ.

Во-первых, лишь небольшой круг жанров политического дискурса посвящен непосредственно борьбе за власть; наиболее ярко эта борьба проявляется в дебатах во время «предвыборной гонки». Другие же жанры, например, инаугурационные речи, предполагают борьбу за власть завершённым этапом и направлены на утверждение нового статуса политической группировки и ее представителей; также существуют жанры, которые, хотя и имплицитно предполагают борьбу за власть, эксплицитно посвящены иным целям, например, формированию положительного облика той или иной политической группы, сплочению населения (напр., новогоднее обращение президента), или провозглашению новых ценностей или направлений в политике (указы, послания президента и проч.). Во-вторых, определение П. Бурдьё позволяет нам обратиться к социальной природе концепта «борьба за власть»: именно неравномерное распределение различного рода капиталов, согласно французскому ученому, обуславливает разделение общества на отдельные группы. Наконец, существование отдельных социальных групп, согласно рассмотренной нами в п. 1.1 теории А. Тэшфила, поддерживается сосуществованием двух противоположных по направленности процессов: самоидентификации и дифференциации, т.е. именно тех компонентов, которые заложены в само название оппозиции «Свой-Чужой».

Таким образом, дополняя определение В.И. Карасика и Е.И. Шейгал, мы можем утверждать, что **целью политического дискурса** является борьба в политической сфере деятельности между отдельными социальными группами за обладание и распределение символического капитала (одним из видов которого является политическая власть), где оппозиция «Свой-Чужой» (как понимание участниками группы своей групповой идентичности) является как источником возникновения данной борьбы, так и ее результатом. В более краткой форме мы можем представить наше

определение в следующей форме: целью политического дискурса является установление и укрепление самоидентичности политической группы (и ее превосходства над другими, «чужими», группами) через приобретение и преумножение символического капитала.

1.4.4. Типологические характеристики политического дискурса

Рассмотрев в п. 1.4.4. цели политического дискурса, следует рассмотреть особенности функционирования в данном типе дискурса других его компонентов – участников, хронотоп, наиболее частотные стратегии и пр.

Участниками институционального дискурса являются «базовые пары статусно неравных участников коммуникации» [Карасик, 2002: 194], или, перефразируя, институциональные роли «профессионалов» (агентов) и «непрофессионалов (клиентов). Агентом политического дискурса являются политические институты и их представители, в чьи задачи входит установление, поддержание и укрепление политической власти. М.Д. Невинская отмечает, что агентом чаще выступает индивидуальное лицо, поскольку «суть политики “борьба за власть” предусматривает неоднородность власти и невозможность ее интеграции [Невинская, 2006: 100] Под клиентом в данном типе дискурса понимается население в целом или группа избирателей, голосующих за конкретную партию или движение [Шейгал, 2000: 44] или другой институт. Стоит отметить, что некоторые исследователи, например, Е.В. Бакумова, утверждают, что для политической коммуникации характерно обращение к массовому, но не к групповому клиенту, что является более типичным для других видов институционального дискурса [Бакумова, 2002: 34]. Мы возьмем на себя смелость оспорить данное утверждение, поскольку, как мы рассмотрели ранее, никакое общество не существует как единое явление, а в силу социальных законов неизбежно распадается на отдельные группы. Добавим также, что само по себе понятие «население» в его соотнесенности с

каким-либо политическим институтом (агентом), в данном случае – с государством, предполагает, что это население проживает на территории, подчиняется законам и разделяет идеологические основы того государства, в котором функционирует этот институт, а следовательно, обладает теми базовыми признаками, которые, согласно П.А. Сорокину, приводят к разделению на отдельные, меньшие группы (т. е. представляет собой не однородную массу гипотетически определяемых слушателей, а конкретную группу, сформированную, в первую очередь, по территориальному и государственному признакам, а также, опционально – по языковому, религиозному, идеологическому или любому другому признаку). Также добавим, что «избиратели», предложенные Е.И. Шейгал в качестве клиента политического дискурса [Шейгал, 2000: 44], по определению не могут являться массовым клиентом, поскольку представляют собой лишь часть общества, объединенную тем или иным признаком; наиболее ярко мы видим это в названиях политических партий тех стран, в которых допускается плюрализм политических мнений: *Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России*, и др. В данном случае избирателями каждой из партий будет лишь та часть общества, которая придерживается указанных в названии партии политических взглядов (партийное и идеологическое единства в классификации П.А. Сорокина). Исключение, пожалуй, составляют однопартийные тоталитарные или авторитарные государства, где все граждане, действительно, являются избирателями одной партии: *Коммунистическая Партия Советского Союза, Коммунистическая Партия Китая*.

Некоторые политические жанры обладают устойчивыми **хронотопными характеристиками**: так, еженедельные обращения Президента США, новогодние обращения Президента РФ, предвыборные дебаты являются рекуррентным циклическим жанром (т.е. реализуются с заданной частотой: один раз в неделю, раз год, раз в четыре года) и имеют фиксированное место проведения (так, еженедельные обращения

американского президента, как правило, осуществляются из Белого дома) [Крюковская, 2015: 56]. К сожалению, мы вынуждены признать, что изучению данной категории политического дискурса посвящено исчезающе малое количество научных работ для подробного ее рассмотрения.

Стратегии политического дискурса. Как мы рассмотрели выше, целью политического дискурса является борьба за обладание символическим капиталом, или же борьба за власть. Рассматривая эту цель как свойство, ряд ученых называет его *агональностью*. ([Лосев, 1969; Михальская, 1996; Михалёва, 2008]). Следовательно, политический дискурс представляет собой демонстрацию борьбы, агона: «ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т. д.» [Шейгал, 1998: 24]; оппозиция «Свой-Чужой», в силу своей природы, является ключевым понятием для возникновения и проведения такой борьбы.

Как и для любой другой игры, для политических «больших национальных игр» характерен свой набор «правил», или же стратегий речевого поведения, употребление которых может увеличить шансы на успех. В различных источниках мы встречаем разные подходы к классификации стратегий политического дискурса. Так. О.Л. Михалёва, в работе «Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия», выделяет три основные стратегии, каждая из которых представлена несколькими тактиками:

1. **Стратегия на понижение**, направленная на развенчание позиций оппонента. Эта стратегия реализуется через такие тактики, как:

1.1. **Тактика «анализ-минус»** (основанное на фактах рассмотрение ситуации, предполагающее негативное отношение к описываемому и к его участникам).

1.2. **Тактика обвинения** (адресное обвинение какого-либо лица, приписывание кому-либо какой-либо вины).

1.3. **Тактика безличного обвинения** (обвинение, при котором не указываются виновники осуждаемых действий или поступков).

1.4. **Тактика обличения** (приведение с целью уличения фактов и аргументов, делающих явной виновность, преступность кого-либо).

1.5. **Тактика оскорбления** (нанесение обиды, унижение, уязвление кого-либо, сопровождаемое экспликацией эмоционального составляющего компонента вместо приведения доказательств).

1.6. **Тактика угрозы** (запугивание, обещание причинить адресату неприятность, зло).

2. Стратегия на повышение, чьей задачей является укрепление позиций говорящего. Этой стратегии соответствуют следующие тактики:

2.1. **Тактика анализ-«плюс»** (основанное на фактах рассмотрение, ситуации, предполагающее положительное отношение говорящего к описываемой ситуации).

2.2. **Тактика презентации** (представление кого-либо в привлекательном виде).

2.3. **Тактика неявной самопрезентации** (выраженное косвенно, без прямого указания на объект позитивного оценивания представление говорящим себя в привлекательном, выгодном свете).

2.4. **Тактика отвода критики** (приведение с целью доказательства невиновности аргументов и/или фактов, с помощью которых можно объяснить (оправдать) какие-либо действия и поступки).

2.5. **Тактика самооправдания** (отрицание негативных суждений об объекте критики и его причастности к тому, чему дается отрицательная оценка).

2.6. **Тактика самооправдания** (отрицание негативных суждений об объекте критики и его причастности к тому, чему дается отрицательная оценка).

3. **Стратегия театральности**, представляющая собой попытку воздействовать на массового или группового клиента (в отличие от

предыдущих стратегий, направленных на говорящего или его оппонента). Эта стратегия реализуется в следующих тактиках:

3.1. Тактика побуждения (призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения).

3.2. Тактика кооперации (такой способ обращения к адресату, с помощью которого говорящий конструирует образ последнего, апеллируя к идеям и ценностям, носителем которых он (по мнению говорящего) является).

3.3. Тактика размежевания (выявление различий и несходства в позициях и мнениях) [Михалёва, 2008: 45–63].

Не менее интересный, но менее комплексный подход к классификации стратегий политического дискурса мы встречаем в работе 3.3. Чанышевой «Ипостаси категории “чужие” в медийной коммуникации» (2016), в которой ученый предлагает, используя в качестве описательного инструмента оппозицию «Свой-Чужой», следующие манипулятивные техники:

1. Насыщение информации несущественными деталями, искажающими суть и преобразующими её в нечто противоположное (т.е. искусственное формирование негативного образа «чужого» или укрепление положительного образа «своего»).

2. Вычёркивание отдельных эпизодов, замалчивание фактов, снятие компрометирующих деталей, касающихся «своего» круга общности, и акцентуализация внимания на таких же деталях, относящихся к «чужой» группе.

3. Создание информационного вакуума, что в итоге позволяет внедрять в сознание массового читателя откровенно ложную информацию [Чанышева, 2016: 99].

Подходя к вопросу жанров и материала политического дискурса, мы обнаруживаем три основных критерия для их систематизации:

1. По форме коммуникации: письменные жанры (напр., партийная программа или статья) и устные (напр., интервью, выступление в парламенте и т.д.) [Алтунян, 2006: 24].

2. По ведущей функции:

2.1. Ритуальные жанры, где преобладает фатика (напр., инаугурационная речь, юбилейная речь).

2.2. Ориентационные жанры, т. е. тексты информационно-прескриптивного характера (напр.: конституция, указ, партийная программа).

2.3. Агональные жанры, которые мобилизуют к совершению действий (напр.: лозунг, предвыборные дебаты) [Шейгал, 2000: 246].

3. По признаку «монологичность/диалогичность»: монологические жанры (напр., обращение, статья) и диалогические (дискуссия, переговоры и др.) [Чудинов, 2012: 54].

1.4.5. Выводы по параграфу 1.4

Подведем итоги. Мы рассмотрели некоторые из существующих определений понятий «дискурс» и «политический дискурс». Используя в качестве теоретической основы определение В.И. Карасика политического дискурса как вида институционального дискурса и предложенной им же компонентной структуры институциональных дискурсов, мы проследили, какое место занимает оппозиция «свой-чужой» в формировании этих компонентов. Нами было предложено новое определение целей политического дискурса, объединяющее в себе классическое определение В.И. Карасика и Е.И. Шейгал «цель политического дискурса есть борьба за власть» и результаты социологических исследований П. Бурдьё и А. Тэшфила, что позволило нам рассматривать целью политического дискурса реализацию оппозиции «Свой-Чужой»: «целью политического дискурса является установление и укрепление самоидентичности политической группы (и ее превосходства над другими, «чужими»),

группами) через приобретение и преумножение символического капитала». Также был уточнен статус участников политического дискурса с точки зрения теории социальной стратификации, определены те манипулятивные тактики, с помощью которых актуализируется оппозиция «Свой-Чужой», были рассмотрены характерные для политического дискурса жанры. По результатам исследования мы можем сказать, что оппозиция «Свой-Чужой» действительно занимает центральное место во всех компонентах политического дискурса и является главным механизмом, обуславливающим его социальную природу и агональный характер.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Во время работы над теоретической частью исследования мы провели комплексное изучение оппозиции «Свой-Чужой»: ее социальной природы, механизмов возникновения, лингвистических средств реализации, место и роль в формировании и проведении политического дискурса, и убедились, что данная оппозиция является базовой когнитивной категорией, которая лежит в основе социальных процессов и обеспечивает функционирование политического дискурса. Используя полученные знания, мы уточнили существующую формулировку целей политического дискурса и новый метод анализа политических высказываний на наличие и проявленность в них данной оппозиции, основанные на новом понимании целей политического дискурса и их неразрывной связи с социальной сущностью оппозиции «Мы-Они».

Исследуя социальную сущность оппозиции «Свой-Чужой», нами было доказано, что она действительно является базовой когнитивной категорией, свойственной для всего человечества в целом и, следовательно, имеет потенциал для выражения в любом естественном языке. Также нами было установлено, что осознание индивидом своей принадлежности к некоей группе и противопоставление другой группе является основным социальным механизмом для построения общества как системы.

Обозначенная в ходе исследования конфликтная природа оппозиции «Свой-Чужой» и ее структура как диалога между двумя или более общественными группами позволила определить основную сферу ее функционирования текстами политического дискурса.

Применив в п. 1.4 полученные знания о строении оппозиции стало возможным дополнить и расширить ставшее классическим в теории политического дискурса определение «цель политического дискурса есть борьба за власть». В нашем определении целью политического дискурса является установление и укрепление самоидентичности политической

группы (и ее превосходства над другими, «чужими», группами) через приобретение и преумножение символического капитала. Преимущество данного определения заключается в том, что оно позволяет объяснить принадлежность к сфере политического дискурса тех жанров, для которых борьба за власть не является основной или явной целью: инаугурационная речь, постановление, обращение и проч.

Также, в п. 1.2, нами были рассмотрены лингвистические средства, с помощью которых оппозиция «свой-чужой» реализуется в текстах. Так, было установлено, что главную роль в формировании оппозиции «Свой-Чужой» играют средства номинации (топонимы, этнонимы, эргонимы, «маркеры-наименования лиц» и проч.) и дейктические средства, в первую очередь – местоимения (о чем также свидетельствует другое название оппозиции «Свой-Чужой»: «оппозиция “Мы”-“Они”»). Другими, не менее важными средствами, являются следующие маркеры: на лексическом уровне – социальная лексика, на морфологическом – ряд аффиксов, на фонетическом – использование графонов.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США НА НАЛИЧИЕ И ХАРАКТЕР ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»

2.1. Анализ выступления Дж. Байдена от 5 января 2024 г.

2.1.1. Исторический контекст речи Дж. Байдена. «Свои» и «чужие» в речи Дж. Байдена

Первым материалом, на примере которого мы рассмотрим возможности применения полученных в главе 1 теоретических выводов и метода анализа, является речь действующего президента США Джо Байдена, произнесенная 5 января 2024г в городе Blue Bell, штат Пенсильвания. Эта, первая в рамках предвыборной кампании 2024 года, речь является программной для Демократической партии США, поскольку в ней закладываются и излагаются основные тезисы будущей кампании, позиция партии в отношении к Республиканской партии США и ее главному и единственному кандидату в президенты США – Дональду Трампу, обозначаются главные риторические приемы, которые будут использоваться в последующих речах, составленных командой Джо Байдена в ходе «предвыборной гонки».

В начале анализа текста на наличие и способы выражения в нем оппозиции «Свой-Чужой» необходимо определить, на каких основаниях Джо Байден и его команда проводят данное противопоставление, какие общности включаются в круг «своих» (процесс самоидентификации), а какие – в круг «чужих» (процесс дифференциации). Рассмотрим для этого следующие фрагменты речи:

*And it's what the 2024 election is all about. The choice is clear. **Donald Trump's** campaign is about **him**, not America, not you. **Donald Trump's** campaign is obsessed with the past, not the future. **He's** willing to sacrifice our democracy, put **himself** in power. Our campaign is different. For **me** and **Kamala**,*

our campaign is about America. It's about you. It's about every age and background that occupy this country. It's about the future we're going to continue to build together. And our campaign is about preserving and strengthening our American democracy <...>.

В данном фрагменте мы видим следующие, характерные для всего текста речи в целом, тенденции:

1. Использование дейктических знаков, содержащих смысловой компонент отдаления: «мы-они». Такими дейктическими знаками являются имена собственные (*Donald Trump, Kamala*) и соответствующие местоимения (*me, him, our*). Используя эти единицы, Джо Байден не только переносит на себя и своего оппонента функции представляемых ими социальных групп, но и переводит противостояние из политической плоскости в плоскость межличностного конфликта.

2. Обозначая «свой» круг общности, Джо Байден намеренно стирает любые возможные социальные различия, представляя своих потенциальных избирателей как единый, сплоченный организм, частью которого, в том числе, является и он сам (*every age and background*). Для этого он использует личные и возвратные местоимения (инклюзивное *we, our, you*), лексемы совместимости (*every, together*); этноним *American* также используется, чтобы показать единство аудитории, на которую направлена речь.

3. Говоря о «чужом» круге общности, т.е. о Республиканской партии США, Джо Байден также избегает выделения и противопоставления какой-либо конкретной социальной группе, но делает это с целью, противоположной указанной в п.2. Используются только имена собственные (*Donald Trump*) и личные, возвратные и притяжательные местоимения (*he, him, himself*), игнорируются прочие приемы, использованные в предыдущем пункте. Благодаря этому приему Джо Байден полностью исключает Дональда Трампа из социального контекста и перекладывает всю ответственность за поступки и результаты действий экс-президента США на него лично, не

вступая при этом в конфликт с Республиканской партией и поддерживающей ее частью общества.

2.1.2. Способы репрезентации «чужих» в речи Дж. Байдена

Теперь, когда мы выяснили, как в данном тексте выстроена оппозиция «Свой-Чужой» (противостояние единого американского народа с одной стороны и отдельной личности, Дональда Трампа, с другой), стоит рассмотреть, какие стратегии и средства используются для оформления и завершения образа обозначенных субъектов оппозиции.

Образ Дональда Трампа и отношение к нему Демократической партии США от лица Джо Байдена раскрывается в следующих фрагментах:

*Three years ago tomorrow, we saw with our own eyes the **violent mob** stormed the United States Capitol. <...> What's **Trump** done? Instead of calling them criminals, he's called these **insurrectionists** "**patriots**". They're "**patriots**". And **he** promised to pardon them if he returns to office. **Trump** said that there was a lot of **love** on January the sixth. **The rest of the nation**, including law enforcement, saw a lot of **hate** and **violence** <...> We saw it with our own eyes. **Trump's mob** wasn't a peaceful protest. It was a **violent assault**. They were **insurrectionists**, not **patriots**. They weren't there to **uphold** the Constitution. They were there to **destroy** the Constitution. <...> You can't be **pro-insurrectionist** and **pro-American**. You know, **Trump** and **his MAGA supporters** not only **embrace** political violence, but they **laugh** about it. <...> He calls those who opposed him "**vermin**". He talks about the blood of America's is being poisoned, **echoing the same exact language used in Nazi Germany**. He **proudly** posts on social media the words that best describe his 2024 campaign. Quote, "**revenge**", quote, "**power**", and quote, "**dictatorship**". There's no confusion about who Trump is, what he intends do. <...> Look at the **authoritarian leaders and dictators** Trump says he **admires**. He out loud says he **admires**. I won't go through them all. It would take too long. Look, remember how he first, how he refers to what he calls*

love letter exchanges between he and the dictator of North Korea? Those women and men out there in the audience who's ever fought for an American military. Did you ever believe you'd hear a president say something like that? His admiration for Putin? <...> In the cold winter of 1777, George Washington and his American troops to Valley Forge waged a battle on behalf of a revolutionary idea, that everyday people like where I come from, and the vast majority of you, not a king or a dictator, that everyday people can govern themselves without a king or a dictator.

В данных фрагментах речи используются следующие языковые единицы, риторические и стилистические приемы:

1. Более конкретно указывается тот круг общности, к которому принадлежит и чьи интересы выражает Дональд Трамп (*Trump and his MAGA supporters, insurrectionists, violent mob, authoritarian, (words) echoing the same exact language used in Nazi Germany, leaders and dictators, dictator of North Korea, Putin, a king or a dictator*). Это обозначение принадлежности Трампа к неким социальным группам, впрочем, не вступает в противоречие с высказанным нами выше утверждением, что оппозиция «свой-чужой» в тексте выстроена на противопоставлении правящей партии экс-президенту как отдельной, самостоятельной личности; напротив, использование слов-наименований лиц с ярко выраженной негативной коннотацией (*mob*, т.е. «орда», «толпа», *insurrectionists*, «мятежники»; слова-концепты, обладающие в культурном сознании американского народа негативной окраской - *dictator, Nazi (regime), king*) и противопоставление этим наименованиям использованной здесь лексемы совместимости лексемы *the rest (of the nation)*, использованной в отношении Джо Байдена и его сторонников, указывают, что Демократическая партия не рассматривает Дональда Трампа и поддерживающих его людей как составную и неотъемлемую часть американского общества.

2. Обозначается модель поведения и описывается риторика команды Дональда Трампа. Для этого используются два противоположных по направленности приема:

2.1. Использование слов с возвышенной и/или поэтической коннотацией для обозначения действий экс-президента и его отношения к определенным действиям и концепциям, которые осуждаются (или должны осуждаться) обществом. Так, Дональд Трамп называет мятежников (*insurrectionists*) – патриотами (*patriots*), переписку с диктаторами – *love letters* (то же слово, *love*, он использует для обозначения событий 6 января 2020 года, т.е. штурм Капитолия, которые Джо Байден, в свою очередь, характеризует как *a lot of hate and violence*). Подчеркивается положительное отношение Трампа к идеологии насилия и антидемократическим ценностям (*He proudly posts on social media the words... quote, “revenge”, quote, “power”, and quote, “dictatorship”; Trump and his MAGA supporters not only embrace political violence, but they laugh about it*). Использование этого приема (контраста между возвышенной коннотативной окраской лексических единиц и контекста, в котором они использованы) является частью стратегии «расчеловечивания», т.е. крайнего проявления оппозиции «свой-чужой», где «чужой» субъект не просто принадлежит к другой социальной группе, но и не может рассматриваться как член человеческого общества в целом, поскольку не разделяет общечеловеческих представлений о морали и этики.

2.2. Использование слов с отрицательной и/или презрительной коннотацией, что является частью указанной нами выше стратегии «расчеловечивания». Сюда относятся как высказывания Джо Байдена, показывающие его отношение к аморальным, по его мнению, поступкам Дональда Трампа (*lot of hate and violence; It was a violent assault*), так и высказывания самого Дональда Трампа, в которых он напрямую, без подмены понятий, как в прошлом подпункте, высказывает свою политическую позицию, тем самым отказываясь от принятых в обществе норм морали (*He calls those who opposed him “vermin”; Quote, “revenge”,*

quote, “**power**”, and quote, “**dictatorship**”; He talks about the blood of America’s is being poisoned, **echoing the same exact language used in Nazi Germany**).

2.1.3. Способы репрезентации «своих» в речи Дж. Байдена

Описывая «свой» круг общности, Джо Байден использует приемы, представленные в следующих фрагментах речи:

The entire nation** watched in horror. **The whole world** watched in disbelief. <...> And when Trump had seen weakness in our democracy and continued to talk about it, I saw **strength**. **Your strength**, it’s not hyperbole. **Your strength, your integrity, American strength and integrity. Ordinary citizens, state election officials, the American judicial system, had put the Constitution first, and sometimes at their peril, at their peril. Because of them. Because of you. The will of the people prevailed. Not the anger of the mob or the appetites of one man.** <...> Now, the rest of us, **Democrats, independents, mainstream Republicans**, we have to make our choice. I know mine, and I believe I know America’s. **We’ll defend the truth, not give in to the big lie. We’ll embrace the Constitution of the Declaration, not abandon it. We’ll honor the sacred cause of democracy, not walk away from it. Today, I make this sacred pledge to you: The defense, protection and preservation of American democracy will remain, as it has been, the central cause of my presidency.** <...> In America, genuine leaders, **democratic leaders with a small D** don’t hold on to power relentlessly. **Our** leaders return power to the people and they do it willingly because that’s the deal. **You** do your duty. **You** serve your country. And **ours** is a country worthy of service as many **Republican presidents and Democratic presidents** have shown over the years. <...> And we’re **a great nation. We’re the greatest nation on the face of the Earth. We really are. That’s the America I see in our future. We get up. We carry on. We never bow. We never bend. We speak of possibilities, not carnage. We’re not weighed down by grievances. We don’t foster fear. We don’t walk around as victims. We take charge of our destiny. We get our job done with the help of the people we find in America,

*who find their place in a changing world and dream and build a future that not only **they** but **all people** deserve a shot at.*

Рассмотрим приведенные примеры риторики Джо Байдена более подробно.

1. В тексте активно используются способы указания общности: многократное повторение инклюзивного *we* (*We get up. We carry on. We never bow. We never bend* и т.д.), притяжательное местоимение *our/ours* (*And ours is a country worthy of service*), неоднократный повтор местоимения *you*, усиливающий направленность на реципиента, что также усиливает в слушателях чувство сопричастности к данному кругу общности (*Your strength, your integrity*), лексемы совместимости (*The entire nation, The whole world, all people*), наименования лиц (*Ordinary citizens, state election officials, the American judicial system*), этноним *American*. Также стоит отметить, что Джо Байден отрицает тот факт, что он выступает против Республиканской партии; напротив, он подчеркивает, что обе партии США разделяют общие идеалы, которые не имеют ничего общего со взглядами и политическими убеждениями Дональда Трампа: *In America, genuine leaders, democratic leaders with a small D don't hold on to power relentlessly <...> And ours is a country worthy of service as many Republican presidents and Democratic presidents have shown over the years.*

2. При описании «своего» круга общности, его действий, качеств и ценностей, Джо Байден активно использует имена существительные и прилагательные с возвышенной и/или поэтической коннотативной окраской, причем, в отличие от аналогичного приема, использованного при описании риторики Дональда Трампа, такие лексические единицы не допускают иного толкования, кроме положительного: *And we're a great nation. We're the greatest nation on the face of the Earth; We'll honor the sacred cause of democracy; American strength and integrity; And ours is a country worthy of service*

3. В представленных фрагментах также активно используются усиливающие высказывание наречия really, never: *We're the greatest nation on the face of the Earth. We really are.* Такое применение этих лексем служит сплочению «своего» круга общности.

2.1.4. Универсальные (двусторонние) лексические средства репрезентации «своих» и «чужих» в речи Дж. Байдена

Рассмотрев приемы, с помощью которых Джо Байден производит формирование оппозиции «Свой-Чужой», стоит также рассмотреть, безотносительно субъектов оппозиции, другие использованные в тексте средства:

1. Активное использование глаголов и отглагольных частей речи, где использованные в отношении группы Дональда Трампа единицы обозначают разрушение и губительные силы (т.н. глаголы-деструктивы), а использованные в отношении группы Джо Байдена – созидание или (как частный случай созидания) - отрицание разрушения и губительных сил, ср.:

Таблица 1. Использование глаголов и глагольных частей речи в выступлении Дж. Байдена

Глаголы и глагольные части речи, использованные в отношении действий Дональда Трампа	Глаголы и глагольные части речи, использованные в отношении действий группы Джо Байдена
<p><i>Smashing windows, shattering doors, attacking the police</i></p> <p><i>Inside, they hunted for Speaker Pelosi</i></p> <p><i>Jill and I attended the funeral of police officers who died as a result of</i></p>	<p><i>We get up. We carry on. We never bow. We never bend. We speak of possibilities, not carnage. We're not weighed down by grievances. We don't foster fear. We don't walk around as victims. We take charge of our destiny.</i></p>

Глаголы и глагольные части речи, использованные в отношении действий Дональда Трампа	Глаголы и глагольные части речи, использованные в отношении действий группы Джо Байдена
<p><i>the events of that day</i></p> <p><i>He told the crowd to “fight like hell” and all hell was unleashed</i></p> <p><i>In trying to rewrite the facts of January sixth, Trump was trying to steal history, the same way he tried to steal the election</i></p> <p><i>They were there to destroy the Constitution.</i></p> <p><i>He called, and I quote, the terminate, quote, this is a quote, the termination of all the rules, regulations and articles, even those found in the U. S. Constitution should be terminated if it fits his will.</i></p> <p><i>He’s threatened the former chairman of the Joint Chiefs of Staff with the death penalty</i></p>	<p><i>We get our job done with the help of the people we find in America, who find their place in a changing world and dream and build a future that not only they but all people deserve a shot at.</i></p>

2. Активное использование антонимов (в т.ч. контекстуальных), относящихся к различным частям речи, подчеркивающих положительные качества группы Джо Байдена и отрицательные – группы Дональда Трампа, ср.:

Таблица 2. Использование антонимов в выступлении Дж. Байдена

Антонимы, использованные при характеристике действий и образа группы Дональда Трампа	Антонимы, использованные при характеристике действий и образа группы Джо Байдена
<p><i>Liberty, not conquest. Freedom. Not domination. National independence. Not individual glory.</i></p>	<p><i>Liberty, not conquest. Freedom. Not domination. National independence. Not individual glory.</i></p>
<p><i>We'll defend the truth, not give in to the big lie</i></p>	<p><i>We'll defend the truth, not give in to the big lie</i></p>
<p><i>Trump is now promising a full-scale campaign of revenge and retribution, his words, for some years to come.</i></p>	<p><i>The defense, protection and preservation of American democracy will remain, as it has been, the central cause of my presidency</i></p>
<p><i>The rest of the nation, including law enforcement, saw a lot of hate and violence.</i></p>	<p><i>there was a lot of love on January the sixth.</i></p>
<p><i>the anger of the mob or the appetites of one man.</i></p>	<p><i>The will of the people prevailed</i></p>
<p><i>We'll embrace the Constitution of the Declaration, not abandon it. We'll honor the sacred cause of democracy, not walk away from it</i></p> <p><i>We speak of possibilities, not carnage.</i></p>	<p><i>We'll embrace the Constitution of the Declaration, not abandon it. We'll honor the sacred cause of democracy, not walk away from it</i></p> <p><i>We speak of possibilities, not carnage.</i></p>

Подводя итог, можно сказать, что в данной речи Джо Байдена, произнесенной 5 января 2024 года в знак начала «предвыборной гонки» и в память о событиях 6 января 2021 года, действующий президент США проявляет крайнюю степень агональности в отношении своего политического оппонента, использует стратегию демонизации и

«расчеловечивания» Дональда Трампа, для чего использует широкий спектр языковых единиц: глаголы-деструктивы, лексические и контекстуальные антонимы, слова с ярко выраженной негативной и презрительной коннотацией и пр.

2.2. Анализ выступления Д. Трампа от 24 февраля 2024 г.

2.2.1. Композиционные и структурные особенности речи Д. Трампа

Рассмотрев способы реализации оппозиции «Свой-Чужой» в речи кандидата в Президенты США от Демократической партии Джо Байдена, проведем анализ на способы реализации данной оппозиции в публичных выступлениях другого претендента на президентский пост – Дональда Трампа, кандидата от консервативной Республиканской партии. Материалом для данного анализа послужит речь, произнесенная Дональдом Трампом на открытии Конференции консервативных политических действий (СРАС) 24 февраля 2024 года. Эта конференция, ежегодно проходящая с 1974 года, в последние годы «все больше становится не съездом консерваторов, а площадкой для трампистов <...> и места для альтернативных взглядов и лидеров там нет» [Коммерсантъ]. Именно поэтому открытие съезда СРАС в 2024 году, на котором Дональд Трамп произнес свою первую предвыборную речь, стало началом его кампании, в которой он представил свое отношение к текущим экономическим и социальным проблемам в США, проводимой кабинетом Джо Байдена внутренней и внешней политике, а также предложил план действий в случае своего избрания на пост Президента 5 ноября 2024 года.

При анализе данной речи стоит учитывать, что, в отличие от рассмотренной ранее речи Джо Байдена, выступление Трампа является более «аморфным», импровизацией, лишенной единой темы, которой был бы посвящен весь текст, в чем Дональд Трамп лично признается: *“probably I won't get the best speaker this year, because I went off this stupid teleprompter but,*

maybe, we will.” ([1:07:15–1:07:22]). Все выступление экс-президента можно разделить на несколько тематических блоков, каждый из которых представляет собой историю из жизненного опыта Дональда Трампа или политическое высказывание, посвященное определенной проблеме в современных США. Вот эти блоки:

1. Внутренняя политика:

1.1. Проблема иммигрантов и возросшего уровня преступности в стране ([9:00–10:22], [19:37–20:45], [32:55–35:52]).

1.2. Проблема слабой правовой защищенности сотрудников правоохранительных органов ([1:07:40–1:09:50]);

1.3. Проблема бездействия местных властей и падения уровня жизни американского населения ([1:20:54–1:23:20]);

1.4. Проблема продажности крупнейших новостных агентств США и формируемого ими ложного общественного мнения ([50:50–56:10]);

2. Внешняя политика:

2.1. Необходимость ограничения притока мигрантов в США через мексиканскую границу и продолжение строительства Американо-мексиканского барьера ([20:51–43:43]; [1:09:55–1:15:50]);

2.2. Необходимость продолжения борьбы с международными террористическими организациями ([43:43–50:50], [58:26–1:07:10]);

2.3. Необходимость прекращения экономической поддержки стран Ближнего Востока и Мексиканских Соединенных Штатов, поскольку эти страны являются источником террористической угрозы и проблемы иммиграции в США ([1:09:55–1:19:56]);

3. Критика слабости Джо Байдена как действующего президента США ([15:40–16:22], [23:35–24:17], [28:29–30:40], [51:02–53:27]);

4. Указание на необходимость населению США сплотиться для решения обозначенных проблем ([21:34–22:16], [24:14–25:20], [26:19–27:20], [1:23:23–1:26:25]).

Несмотря на то, что предложенное здесь деление выступления экс-президента на тематические отрывки не покрывает все время речи, полное и подробное ее разделение на смысловые фрагменты не является рациональным в силу непоследовательного и «аморфного» характера речи, вследствие чего нами были выделены только самые яркие, значимые и целостные ее части. Наиболее подробно же мы остановимся на рассмотрении пунктов 1.1.; 2.1.; 2.2.; 3; 4.

На данном этапе анализа, еще до рассмотрения конкретных способов, с помощью которых Дональд Трамп формирует в своем высказывании оппозицию «Свой-Чужой», мы можем заранее отметить некоторые характерные тенденции:

1. Речь Дональда Трампа представляет собой более комплексное явление, чем речь Джо Байдена – не только в силу большего своего объема (14305 слов против 3100 слов), но и по количеству затронутых тем (9 тем против 1 темы).

2. Дональд Трамп проводит оппозицию «Свой-Чужой», базируясь не на одном типе общности для создания противопоставления (единое американское общество – личность Дональда Трампа), а на различных социальных общностях (создание оппозиции по государственному (национальному), профессиональному, объемно-правовому, идеологическому, партийному и, как мы увидим в дальнейшем ходе анализа, возрастному (в отношении личности Джо Байдена) и языковому признакам, т.е. по 7 из 13 предложенных П.А. Сорокиным типам социальной общности).

3. Очернение личности политического оппонента не является основным инструментом в выступлении Дональда Трампа (суммарно, согласно нашему разделению рассматриваемой на тематические фрагменты, этому приему уделено ровно 300 секунд (5 минут), или всего 5,78% от всего времени выступления (1 час 26 минут и 25 секунд). В выступлении же Джо Байдена, как мы рассмотрели ранее, очернение личности Дональда Трампа и

осуждение его действий является ключевым приемом, на котором строится создание оппозиции «свой-чужой» в тексте.

4. Речь Дональда Трампа имеет более разрозненный и «аморфный» характер (единый смысловой блок разбивается на отдельные фрагменты, неравномерно распределенные по всему тексту речи). Это явление объясняется тем, что данная речь Трампа является импровизацией, а не заранее написанным и прочитанным «с листа» текстом; как мы увидим далее, для речи Дональда Трампа также характерна большая живость и экспрессивность языка, также обусловленная спонтанностью текста.

2.2.2. Способы репрезентации «своих» и «чужих» в речи Д. Трампа

Отметив структурные и композиционные особенности выступления Д. Трампа, перейдем к рассмотрению маркеров оппозиции «свой-чужой» в данной речи.

Проводя противопоставление по **национальному, языковому и идеологическому признакам** Трамп использует топонимы (*China will dominate us - not just economically, but militarily, and that's what they want and that's where they're heading...*[10:23–10:30]; *They (migrants) are coming from Asia, they're coming from the Middle East, they're coming from all over the world, coming from Africa, and we're not going to stand for it anymore as a country...* [20:30–20:42]) и эргонимы, как узуальные (*Hamas and Antifa will terrorize our streets, while their brutal ideology - and it is brutal indeed, it is brutal and horrible like nobody's ever seen before, takes over our schools...*[10:11–10:23]), так и авторские окказиональные, собственного изобретения (*You can't come up with your own names, but I do: Caravan. But I went to the president of Mexico, I said: "They're coming through your country, and thousands and thousands of people in these Caravans, they have one coming up now supposedly, 25, 000 people. They're going to walk right into our country* [38:58–39:12]).

Примечательным является тот факт, что при обозначении «чужих» сообществ Дональд Трамп не только напрямую указывает на конкретные национальные и языковые сообщества, но и, в отдельных случаях, намеренно избегает прямой номинации: *We have **every** country, we have countries that, honestly, **nobody has ever heard of**. We have languages coming into our country. We don't have **one** instructor in our entire nation that can speak **that language**. These are languages.. it's the craziest thing, they have languages that **nobody** in this country **has ever heard of**, it's a very horrible thing.* [39:24–39:42]. Используя этот прием, Трамп показывает, что врагом является не только представитель какого-то конкретного государства или организации, но и каждый, кто не является частью американского сообщества по национальной, языковой и/или культурной принадлежности.

Другим, не менее интересным приемом, использованным в речи Дональда Трампа, является использование параллельных конструкций для уравнивания в смысловой нагрузке вышеназванных топонимов и эргонимов с учреждениями принудительной изоляции – тюрьмами и психиатрическими больницами, ср.:

Таблица 3. Использование параллельных конструкций в выступлении Д. Трампа

Использование топонимов	Использование эргонимов
<p><i>They are coming from Asia, they're coming from the Middle East, they're coming from all over the world, coming from Africa, and we're not going to stand for it anymore as a country...</i> [20:30-20:42]</p>	<p><i>Because we have millions and millions of people and they came from prisons and jails. They came from mental institutions and insane asylums...</i> [35:15–35:42]</p>

Таким образом, для Дональда Трампа представители «чужой» по национальному, идеологическому и языковому признаку общностей – это неопределенный круг лиц, которые являются абсолютно **чужими** (*Joe Biden's illegal aliens...* [33:09]) не только американскому обществу личностями, но и чуждыми всему человечеству, поскольку являются душевно больными, не способными на осмысленный и равный диалог, существами.

Также Дональд Трамп активно использует для дальнейшего «расчеловечивания» данной общности прилагательные с негативной коннотацией – как в прямом лексическом значении, в отношении мигрантов: “*their brutal ideology - and it is brutal indeed, it is brutal and horrible like nobody's ever seen before...*” ([10:11–10:23]), “*we have a new category, “migrant crime” and it's going to be more severe than violent crime and crime as we knew it...*”([35:07-35:14]), так и в обратном, в отношении американских преступников и психически больных людей: “*All of a sudden we're starting to like our prisoners and our horrible violent criminals because they're nicer than the people that are flowing in.*” [20:20–20:29]).

Говоря о внешних врагах США – ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация), Трамп делает еще более смелый шаг, открыто (хотя и в форме цитирования чужих слов) отказываясь называть представителей данной группировки людьми: “*We're talking about human beings!*” *No, they're not human, sir, these are animals. These aren't human beings, these are animals.*” [1:05:55–1:06:05].

Теперь, когда мы рассмотрели средства создания образа внешнего врага, обратимся к тем средствам, при помощи которых Дональд Трамп создает образ врага внутреннего – действующего президента США Джо Байдена и его кабинета.

Стоит отметить, что, в сравнении с выступлением Джо Байдена, Дональд Трамп признает как дурные, так и достойные уважения черты своих оппонентов: *I'm here to unleash this captive Nation from Joe Biden and his gang of very bad people, very sick people, smart people, intelligent people, but they're*

hellbent on the destruction of American Freedom... ([15:10–15:20]). Однако, признавая эти достоинства, Трамп остается категоричным в своем мнении насчет того, кем, по его мнению, являются его оппоненты. Он называет их *liars, cheaters, fraudsters, impostors* ([26:37–26:44]), *thugs, tyrants, fascists, rogues* ([30:20–30:26]), цитирует использованное в речи Джо Байдена от 05.01.2024 (но уже в отношении сторонников самого Байдена) определение *mob (rabid mob of radical left Democrat partisans...* ([29:00]), переходит на бранную лексику: *Washington cesspool* («помойная яма», [24:30]) т.е. дает им уничижительные и крайне экспрессивные прозвища, указывающие не только на отсутствие у оппонентов каких-либо высокоморальных качеств, но и ставящих под сомнение легитимность их нахождения у власти.

Кроме прозвищ, Дональд Трамп также использует в определении своих противников прилагательные с ярко выраженной негативной коннотацией: *rabid mob, Biden and his deranged prosecutors, the corrupt establishment* ([29:00], [29:56], [30:22]); в отношении же лично Джо Байдена наиболее частотным является презрительный эпитет *“crooked”* (“*A thief, a criminal, a crook or a dishonest or immoral person in a position of authority who abuses his/her power*” [Urban Dictionary]) или *“crookedest”*, в превосходной форме (всего 8 употреблений). Подводя итог в определении качеств своих оппонентов, Трамп называет их просто *“sick people”* (*The level of hatred from prosecutors when they know you've done nothing wrong... It's sick. These are sick people!* [29:19–29:24]), повторяя, таким образом, свою позицию в отношении врагов внешних (иммигрантов и членов запрещенной в РФ террористической организации ИГИЛ): противник, по мнению Дональда Трампа, не является в полной мере человеком, поскольку является психически неразвитым или больным существом и, следовательно, рациональный и равный диалог с таким противником невозможен.

В речи Трампа, как и в речи Джо Байдена, в отношении действий оппонентов активно используются деструктивные глаголы: *Four years you've watched as the entire Washington cesspool has been feeding on the wealth and*

*hopes and dreams of hardworking Americans, really hardworking Americans, they've **feasted** on the profits of job, **killing** trade deals. They've **gorged** themselves on the spoils of endless wars... And now what they **craved**, they wanted so badly, is permanent political power and dominance for whatever reason. They're sickos!* ([24:31-24:55]).

Немаловажным будет отметить, что, в отличие от рассмотренной в предыдущем параграфе речи Джо Байдена, в которой деструктивные глаголы указывали на фактически совершенные членами MAGA действия (***Smashing windows, shattering doors, attacking the police...***), Дональд Трамп прибегает к метафорам, используя такие слова, которые бы указывали на животную, жестокую, лишенную разума и движимую только базовыми, пищевыми, инстинктами природу своих оппонентов. Другим примером использованных Дональдом Трампом метафор является следующий фрагмент речи: *When we win, the curtain closes on their corrupt rain, and the sun rises on a bright new future for America, that's what we have to have...* ([26:56–27:11]). Обратившись к этому фрагменту, мы можем дополнить наш вывод об отношении Дональда Трампа к своим оппонентам утверждением, что противник в речи экс-президента это не только психически больное существо, неразумное животное, но и нечто, что нарушает своим существованием само устройство мира («даже Солнце перестает светить над Америкой, пока эти люди находятся у власти»).

Теперь, когда мы подробно рассмотрели те способы, с помощью которых Дональд Трамп создает образ «чужих» в своем выступлении, необходимо обратиться к тем средствам, с помощью которых он создает образ «своих». Перечень этих средств, в сравнении с перечнем средств для обозначения «чужих» в речи экс-президента и с перечнем способов для обозначения «своих» в ранее рассмотренной речи Джо Байдена, на удивление скромнен: нам удалось выделить лишь несколько высказываний, которые бы относились к этой категории.

В первом высказывании Дональд Трамп указывает, что «своими» для него является не определенный круг лиц, относящийся к той или иной нации, языковому, культурному сообществу или к конкретной политической партии; «свой» для Дональда Трампа это тот, кто обладает здравым смыслом и может принимать собственные, разумные и рациональные решения: *And I think I would do well a lot of places because it's **Common Sense**. Remember, **not Conservative**, it's **common sense**. I'm conservative, but the words are **common sense**.* [1:24:10–1:24:20]. Здесь словосочетание *common sense* выступает как контекстуальный антоним ко всем тем качествам, которыми Трамп наделил своих оппонентов ранее. Кто же обладает здравым смыслом, по мнению Дональда Трампа? К этим людям он относит “*Carpenters, mechanics, lawyers, firemen, policemen, military people...*” ([30:55]) – всех, кого он называет обобщающим словом *hardworking Americans* ([24:37], [26:31]).

В следующем фрагменте Дональд Трамп обращается к чувству национальной гордости своих избирателей и напоминает о достигнутых за время его президентского срока (2016–2020 гг.) успехах:

*We did things that **nobody** can imagine, so many things, a **thousand elements we did**. We have a book. This the **thousand things**. We did things that **nobody** could even imagine, and then all of a sudden - something very bad happened. Israel would have never happened. The attack on Israel would have never happened.* [21:35–22:00].

Здесь мы видим неоднократное употребление инклюзивного *we*, противопоставленное местоимению *nobody*, и использование числительных (*a **thousand elements we did***), позволяющее создать впечатление значительности, не прибегая к последовательному изложению всех совершенных заслуг.

Наконец, третьим фрагментом, в котором мы рассмотрим способы создания образа «своих» в выступлении Дональда Трампа, является предупреждение для избирателей, что случится, если Джо Байден будет избран на второй срок:

If we don't stop it, this is our last train. If we don't stop it, we're going to have a country that won't even be a country. You want to know the truth? It won't even be a country. It's breaking up. ([15:40-15:50])

Здесь мы видим, кроме использования параллельных конструкций и инклюзивного *we* – приемов, рассмотренных нами выше, еще одну, характерную для речи Трампа особенность: проводя оппозицию «Свой-Чужой» Трамп не столько опирается на конкретные лексические и синтаксические средства языка, сколько обращается к образам в сознании слушателей, описывая реальные и предполагаемые ситуации и их последствия, и дает слушателям самостоятельно принять решение на основе их личного жизненного опыта.

Подведем итоги анализа данной речи:

1. «Чужими» для Дональда Трампа являются все, кто не принадлежит к национальному, языковому и культурному пространству США, а также не разделяют интересы Америки как государства.

2. «Чужой» в выступлении Дональда Трампа это либо психически болезненное, либо движимое базовыми инстинктами существо, которое нельзя называть человеком.

3. К числу «чужих» Дональд Трамп равно причисляет как своих политических оппонентов, так и членов международных террористических организаций и иммигрантов неустановленного гражданства.

4. «Своими» является неопределенный круг лиц, способный к здравому рассуждению,

5. Главными языковыми средствами, с помощью которых Дональд Трамп создает оппозицию «Свой-Чужой» являются различные указания на принадлежность индивида к той или иной общности (этнонимы, топонимы, маркеры-наименования лиц, эргонимы, прозвища и т.д.), определения посредством существительных и прилагательных с ярко выраженной негативной коннотацией, деструктивные глаголы, инклюзивное *we*.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Во время работы над практической частью исследования в целях изучения особенностей функционирования оппозиции «свой-чужой» в текстах американского политического дискурса нами были проанализированы программные выступления двух кандидатов в Президенты США на выборах 2024 г. – Джо Байдена (кандидат от Демократической партии США) и Дональда Трампа (кандидат от Республиканской партии).

По результатам анализа мы выяснили, что для речей обоих кандидатов характерна крайняя степень агональности и нетерпимости к оппоненту. Оппозиция «Свой-Чужой» активно используется как Д. Трампом, так и Дж. Байденом как риторический инструмент. Наиболее характерным для обеих речей является разделение «своих» и «чужих» по следующим признакам: «сторонники демократии» – «тираны, фашисты», «американцы» – «варвары», «американцы» – «иностранцы», «здравомыслящие люди» – «безумцы» (т.е. разделение по идеологическому, территориальному, государственному, этническому, языковому признакам в классификации П.А. Сорокина) Особый интерес представляет выявленная нами категория «люди» – «животные», т. е. такое восприятие оппонента, при котором исключается любая возможность равного диалога в силу отсутствия у «врага» каких-либо общечеловеческих моральных ценностей. Само по себе наличие такой крайней в своем отрицании «чужого» мира категории в рассматриваемых текстах свидетельствует о чрезвычайной напряженности дискурсивной ситуации и ярком проявлении оппозиции «Свой-Чужой».

Другими особенностями, характерными для реализации оппозиции «Свой-Чужой» в обоих выступлениях, являются: размытость границ «своего» круга общности (что обеспечивает как максимальный охват потенциальных избирателей, так и оставляет спикеру пространство для маневра), конкретность в определении принадлежности «врагов» к той или иной группе, использование личных оскорблений в адрес лидера противостоящей

политической партии и его последующее «расчеловечивание» (при этом конфликт не трансформируется в межличностный, а продолжает оставаться социальным, поскольку оппонент рассматривается как персонификация поддерживающих его групп – MAGA, в случае Д. Трампа, или действующих органов власти, в случае Дж. Байдена).

Также мы убедились, что ведущую роль в создании образа «врага» играют слова с ярко выраженной негативной и презрительной коннотативной окраской (*brutal, horrible, deranged, crooked(est), rabid mob* и т.д.), глаголы-деструктивы (*smashing windows, shattering doors, attacking the police*). Граница между «своими» и «чужими» подчеркивается за счет антонимов, в т.ч. контекстуальных (*love – hate, national independence – individual glory, embrace (the Declaration) – walk away from it* и т.д.) и параллельных конструкций.

В создании круга «своих» активную роль играют местоимения (в особенности инклюзивное *we*), формулы совместимости (*entire nation, whole world*) и лексемы с ярко выраженной положительной коннотативной окраской (*we're a great nation; American strength and integrity* и т.д.).

Мы убедились в отсутствии противоречий результатов практического анализа с теоретическими положениями, выдвинутыми в Главе 1 и в потенциале дальнейшего лингвистического исследования функционирования оппозиции «Свой-Чужой» в текстах политического дискурса с применением теорий социальных наук.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной работы являлось исследование тех языковых средств, которые свидетельствуют о наличии в текстах политического дискурса оппозиции «Свой-Чужой» (т.е. говорят о его конфликтном, агональном характере), особенностей их употребления и построение единого метода анализа этих языковых средств. Для достижения этой цели были проанализированы научные работы ученых, посвященные исследованию дискурс-анализа и анализу компонентной структуры политического дискурса (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, Т.В. Алиева, Качани Петер и др.), а также посвященные исследованию оппозиции «Свой-Чужой» работы из других отраслей лингвистики – лингвокогнитологии, лингвопсихологии, лингвокультурологии, теории коммуникации.

Во время работы выяснилось, что общепринятое в современной лингвистике изучение оппозиции «Свой-Чужой» как сугубо когнитивного или культурного феномена, без принятия во внимание ее социальной природы, не дает полного понимания этой категории как объекта исследования. Более полного рассмотрения и уточнения требовали определения таких компонентов политического дискурса (основой которого является данная Оппозиция), как круг формирующих этот тип дискурса участников, объем коммуникации (массовая или групповая), цели политического дискурса и пр.

Для решения этой задачи мы обратились к работам социологов, посвященным теории социальной стратификации, т.е. о разделении общества на отдельные группы, состоящие друг с другом в отношениях различной степени враждебности (А. Тэшфил, П.А. Сорокин, П. Бурдьё и проч.). Благодаря полученным знаниям о социальной природе оппозиции «Свой-Чужой», ее компонентах и механизме действия и используя классификацию «базовых» сообществ П.А. Сорокина, мы рассмотрели, как с помощью каких языковых средств Оппозиция реализуется на каждом уровне

общности (расовом, половом, возрастном, национальном, языковом, государственном и пр.) и на каждом уровне организации языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом).

Также, опираясь на работы П. Бурдьё о теории социального капитала, мы смогли уточнить определение целей политического дискурса. В нашем определении цели политического дискурса понимаются как «установление и укрепление самоидентичности политической группы (и ее превосходства над другими, «чужими», группами) через приобретение и преумножение символического капитала».

Полученные данные позволили провести комплексный, системный, и последовательный подход к анализу актуальных текстов политического дискурса – программным выступлениям кандидатов в Президенты США на выборах 2024 г. – Д. Трампа и Дж. Байдена. Во время анализа была подтверждена крайняя степень агональности высказываний, характерная для функционирования оппозиции «Свой-Чужой» и достоверность выделенных ранее языковых маркеров данной оппозиции. Благодаря использованию классификации П. А. Сорокина стало возможным обращать внимание лишь на принципиально важные проявления оппозиции, проводить анализ последовательно и объективно.

Дальнейшее исследование может проводиться в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо продолжить систематическое изучение маркеров оппозиции «Свой-Чужой» относительно конкретных типов социальной общности; особое место при этом следует уделить стилистическим средствам. Во-вторых, видится важным усовершенствовать социоцентрический метод анализа текстов политического дискурса. Также возможно провести диахронический анализ предвыборных выступлений президентов США для выявления доминантных категорий, способствующих формированию Оппозиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдукадырова Т.Т. Роль лингвистического аспекта в реализации межкультурной коммуникации // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник трудов XI международной научно–практической конференции, Астрахань, 08 июня 2020 года. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2020. С. 9–14.
2. Алиева Т.В. Оппозиция «Свой чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения // Вестник МГИМО. 2012. №3. С.182–187.
3. Алиева Т.В. Концептуальная оппозиция «свой–чужой» в британском политическом дискурсе : монография //Москва: Русайнс, 2017. 192 с.
4. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие. М., Логос, 2006. 384 с.
5. Арекеева Ю.Е. Репрезентация оппозиции «Свой – Чужой» в языковой картине мира (на материале русского и китайского языков): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Челябинск, 2023. 265 с.
6. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2002. 200 с.
7. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. Вып. 6. С. 108–118.
8. Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.
9. Вишнякова О.В. Имидж как фактор продуктивной политической коммуникации // Электронный вестник Ростовского социально–экономического института. 2015. №3(4). С. 526–532.

10. Воеводина Г.А. Номинации «Лицо по социальному положению» в современном русском языке (на примере производных имён существительных) // Вестник ННГУ. 2010. № 4(2). С. 468–470.
11. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
12. Герман Н.Ф. Оппозиция «Свое – чужое» и проблемы взаимопонимания в межкультурном диалоге // Вестник ЧГАКИ. 2012. №4 (32). С. 45–49.
13. Годунова Е.В. О происхождении некоторых этнонимов в английском сленге // Известия ВГПУ. 2011. №5. С. 104–107.
14. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов. 4–е изд. М.: Академия, 2007. 336 с.
15. Дуличенко А. Д. Лингвонимика // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. №7. С. 13–16.
16. Ехлакова Н.Ф. Отражение оппозиции "свой" / "чужие" в выступлениях американских политических деятелей // Современная филология: Материалы Международной научной конференции, Уфа, 20–23 апреля 2011 года. Уфа: Лето, 2011. С. 245–248.
17. Зеленин А.В. Немцы в русской культуре (лингвистическая имагология) // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 63–71.
18. Иванова Л.П. Африка глазами Н. Гумилева (лингвоимагологический аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2013. №1. С. 471–477.
19. Иванова Л.П. Медиалингвистика в лингвоимагологическом аспекте // Медиалингвистика. Выпуск 5. Язык в координатах массмедиа : материалы I Международной научно–практической конференции (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария). Санкт–Петербург, 2016. С. 165–166.

20. Игнатов А.А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга кокни в современном английском обществе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №374. С. 68–70.
21. Илиополова К.С. Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной коммуникации (социально–философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов–на–Дону, 2010. 23 с.
22. Камалова С.Д. Дихотомия «свои – чужие» в дискурсе палестино–израильского конфликта с позиции лингвистической имагологии (на материале романов Линн Рейд Бэнкс “Broken Bridge” и Глории Дубов Микловитц “The Enemy Has a Face”) // Научный диалог. 2018. №2. С. 72–84.
23. Канчани Петер. Оппозиция «свои–чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2007. 27 с.
24. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 19–32.
25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // Волгоград : Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2002. 477 с.
26. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сборник научных трудов. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 1998. С. 185–197.
27. Карасик В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т.9. №1. С. 32–49.
28. Кожевникова Т.А. К вопросу о лингвистической имагологии // Иностранные языки в высшей школе. 2016. Вып. 3(38). С. 56–62.
29. Колесникова С.Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник ЧелГУ. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. №33 (248). С. 67–69.

30. Костина К.В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2011. 171 с.
31. Кравченко Т.Ю. К определению понятия "политический дискурс" // Профессиональное лингвообразование: Материалы шестнадцатой международной научно–практической конференции, Нижний Новгород, 05 октября 2022 года. 2022. С. 446–451.
32. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? //М.: Гнозис, 2003. 375 с.
33. Крюковская Н.П. Еженедельное обращение президента к нации как жанр политического дискурса // Acta Germano–Slavica : Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі. Сборнік навуковых артыкулаў. Т. 6. Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2015. С. 53–60.
34. Лаптева М.Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно–дискурсивном пространстве русской фраземики: автореф. дис. ... д–ра филол. наук: 10.02.01. Астрахань, 2013. 37 с.
35. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство. 1969. 715 с.
36. Матвеева А.А. Дейксис как маркер категории «Свой–чужой» // Вестник СамГУ. 2007. №1. С. 112–118
37. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
38. Михалёва О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия // М.: ООО «Книжный дом “ЛИБРОКОМ”», 2008. 252 с.
39. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно–исторической риторике. М.: Изд. центр «Academia», 1996. 192 с.

40. Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 49 с.
41. Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2006. 117 с.
42. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.
43. Перельгина Е.Б. Психология имиджа: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 223 с.
44. Рахимбергенова М.Х. Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически «чужого» в российской прессе: автореф. канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2008. 23 с.
45. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо– и социолингвистические аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 179 с.
46. Сейранян М.Ю. Стратегии и тактики конфликтного взаимодействия в политических дебатах // Преподаватель XXI век. 2014. №1. С. 229–334.
47. Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2005. 24 с.
48. Сковородников А.П. Графон (граффон) // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь–справочник. Электронное издание // Сибирский федеральный университет; Под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 108–109.
49. Соловьева Н.С. Проявление оппозиции «Свой–чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №2 (36). С. 388–392.

50. Сорокин П.А. Система социологии: в 2-х т. Петроград: "КОЛОС", 1920. Т. 2. 688 с.
51. Сызранова Г.Ю. Ономастика: учебное пособие // Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. 247 с.
52. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.
53. Томберг О.В. Изучение литературы в контексте филологической имагологии // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 255–259.
54. Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. №3. С. 124–136.
55. Урядова А.В. Возможности использования имагологии для изучения образа Советской России (СССР) в среде русской эмиграции // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 32–36.
56. Хайров Ш. Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918г. // StudSlavistici XIV, 2017. С. 293–307.
57. Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: «Индрик», 2012. 240 с.
58. Цуциева М.Г. К вопросу о синкретизме языковой личности политика // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2015. №1. С. 172–180.
59. Чанышева З.З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 3. С. 96–105.
60. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2008. 254 с.
61. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология – Philologica 14. Краснодар, 1998. №14. С. 22–29.
62. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса/ Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

63. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и «другие». М.: Прогресс–Традиция, 2008. 566 с.
64. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность // Л.: Наука, 1974. 427 с.
65. Bourdieu P. Espace social et genese des «classes». Actes de la recherche en sciences sociales. Пьер Бурдьё. Социальное пространство и генезис «классов». Перевод с французского: Н. А. Шматко. Социология социального пространства. Сборник статей. [Электронный ресурс]. 2005. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3054> (дата обращения: 10.04.2024).
66. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? [Электронный ресурс]. 1998. URL.: https://e-1.unifi.it/pluginfile.php/909651/mod_resource/content/1/Van%20Dijk%20Waht%20is%20political%20discourse%20analysis.pdf (дата обращения: 19.04.2024).
67. Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review Vol. 10, No. 2, 1944 Annual Meeting Papers [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/2085643?read-now=1&seq=4#page_scan_tab_contents (дата обращения: 10.04.2024).
68. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 1–30.
69. Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society, Vol. 2, No. 1 Cambridge University Press Apr., 1973, P. 45–80.
70. Moore R. Racist Stereotyping in the English Language // Paula S. Rothenberg. Racism and Sexism: an Integrated Study. New York, St. Martin's press, 1988. P. 269–279.
71. Thomas Greenfeld “Race and Passive Voice at Montichello”// Crisis, 1975. 4. P. 146–147.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]
URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 25.04.2024).
2. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 707 с.
3. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. 524 с.
4. Wilbert E. Moore Matthews P.H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford, 2007. 464 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Зал для своих // Коммерсантъ : сайт [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5862090> (дата обращения: 12.04.2024).
2. J. K. Rowling. Harry Potter and the Half-Blood Prince. London: Bloomsbery, 2014. p. 541.
3. Ray Bradbury. They Knew What They Wanted [Электронный ресурс] 1954. // URL: <https://raybradbury.ru/library/story/54/9/0/> (дата обращения: 19.04.2024).
4. Transcript: Biden's first campaign speech of the 2024 election year // www.apnews.com [Электронный ресурс] URL: <https://apnews.com/article/biden-speech-valley-forge-trump-campaign-bda2293cac2b30e49157c2e6fb256d64> (дата обращения: 12.04.2024).
5. Watch again: Donald Trump's CPAC 2024 speech 01:29:33 (время воспроизведения) // www.youtube.com [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=1oKP_zi0XCY&t=1s (дата обращения: 15.04.2024).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 О.В. Магировская

« 29 » июня 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В АМЕРИКАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ
ДЖ. БАЙДЕНА И Д. ТРАМПА)**

Научный руководитель

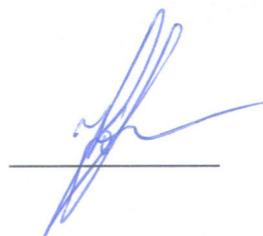
канд. пед. наук, доц.,
доц. каф. ТГРЯиПЛ
Е.В. Еремина

Выпускник

С.И. Цыганков

Нормоконтролер

Е.В. Курилова

Красноярск 2024